

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Макс MAX

КОНДОТЬЕР

Любовь и ненависть, предательство и смерть,
заговор, переворот, война...

Макс Мах
Кондотьер

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Мах М.

Кондотьер / М. Мах — «АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-102335-5

Он кондотьер – сиречь наемник. Полковник Хорн или Генрих Шершнеф, или, может быть, кто-нибудь еще. Таинственный человек, приехавший из Европы в Петроград осенью 1965 года. Зачем, к кому, по какому делу? Много вопросов, но мало ответов, да и те, что есть, то ли правдивы, то ли – нет. Она – террористка по кличке Черт. Представляется Натальей Викторовной Цельге, но та ли она женщина, за которую себя выдает? Они встретятся осенней ночью под холодным дождем в Северной Коломне, на Тюремном мосту, переброшенном через Крюков канал. С этого, собственно, и начинается наша история, в которой будет все: любовь и ненависть, предательство и смерть, заговор, переворот, война... Итак, экспозиция: ночь, осень, Петроград, Российская империя. Занавес поднимается.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-102335-5

© Мах М., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Макс Мах Кондотьер

Глава 1 Чужой в чужом городе

Петроград встретил Генриха мелким холодным дождем, то и дело переходившим в снег. Было пасмурно, знобко, и время от времени задувал порывами ледяной ветер с залива. Ничего другого, впрочем, Генрих и не ожидал.

«Петроград!» – Он спустился по мокрым железным ступенькам на перрон и огляделся в поисках встречавших. Народу на платформе, защищенной от дождя и снега застекленной аркой крыши, оказалось гораздо больше, чем предполагало место и время.

«Содом и Гоморра... Хотя по нынешним временам, не так уж и плохо. Если не злобствовать. Но кто же мне судья?»

– Иван Иванович! – Паренек, ловко протершийся к Генриху сквозь толпу, выглядел, как гимназист старших классов или студент на вакациях, но, скорее всего, был служилым.

«Прапорщик или корнет».

Одним словом, офицер.

– Здравствуй, Дима! – кивнул Генрих «со значением». – Возмужал, вырос! Я бы тебя, пожалуй, теперь и не узнал!

– Так ведь сколько лет!

– И то правда! – согласился Генрих. – Ну, что, пойдём, что ли, или мы ещё кого ждём?

– Нет, что вы! Что вы! Непременно, пойдём! Давайте мне ваш саквояж, Иван Иванович, и пойдёмте!

«Конспираторы хреновы! Оперетка!»

– Ну, пойдём! – Генрих бросил взгляд на часы в витраже фасада – дело шло к полудню, а казалось вечер, – выдохнул туманное облачко в пахнущий дымом и железом воздух и пошел вперед, увлекая за собой «Диму», которому так и не отдал свою невеликую ручную кладь.

– Транспорт имеешь? – спросил Генрих, когда, пройдя через здание вокзала, вышли на набережную Обводного канала.

– Извозчика возьмем.

– Как скажешь, – пожал плечами Генрих и, шагнув к обрезу тротуара, остановил резкой отмашкой блекло-серый «сааб», украшенный извозчицкой подковой.

– Езжай, дядя, на Измайловский проспект, я тебе там укажу... – «Дима» сел рядом с извозчиком и кивнул вперед, за лобовое стекло, где дождь окончательно превратился в снегопад.

– Наше дело служивое, – «равнодушно» забубнил в ответ немолодой, но крепкого сложения извозчик. – Нам чево-с? Как прикажете, так и сделаем.

«Клоуны... И куда все подевалось?» – Но два переворота и семь пограничных войн вгоняли в гроб и не такие цветущие империи. За примерами далеко ходить не приходилось. Все тут, под рукой.

Он бросил взгляд на фасад здания и непроизвольно отметил, что Ревельский вокзал действительно напоминает Восточный вокзал в Париже. Не копия, но да – сходство имеется.

– Я закурю? – На самом деле вопрос особого смысла не имел, Генрих достал уже пачку египетских сигарет и даже успел вытряхнуть одну из них себе прямо в губы. Всего лишь фигура вежливости, но, как говорится, привычка – вторая натура.

– Дымите, если приспичило, – извозчик переигрывал. В салоне «сааба» явственно пахло табаком, и получалось – или автомобиль напрокат взяли, или легенду на коленке сверстывали.

Генрих в подробности вдаваться не стал и молча закурил. Табак отдавал восточными пряностями и имел сладковатый запах, не слишком гармонируя с сумрачным величием Северной Пальмиры. Турецкие папиросы представлялись куда уместней, но их в Кенигсберге не оказалось. Пришлось довольствоваться тем, что есть.

Ехали медленно – из-за непогоды тут и там возникали пробки, все-таки Петроград большой город с оживленным движением, особенно в центре. Свою лепту вносили, разумеется, и длинные, погромыхивающие на стыках трамваи, и огромные, как грузовые барки, двухэтажные автобусы. Так что до Измайловского проспекта добирались добрых полчаса. Ногами и то быстрее вышло бы.

– Город знаете? – тихо спросил «Дима», когда, выгрузившись из «сааба», они свернули в подворотню проходного двора.

– Сориентируюсь, – Генриху не нравилось излишнее любопытство «корнета».

«Или все-таки прапорщик?»

– Ну, тогда идите к Польскому саду и через него в Тарасов проезд... – «Дима» остановился и протянул Генриху ключ со сложно вырезанной бородкой. – Дом сто шестнадцать Аз. Второй этаж, дверь обита черным дерматином. Остальное, как договаривались. Отдыхайте, присматривайтесь. С вами свяжутся. – И, не поклонившись, пошел обратно к Измайловскому проспекту.

«Еще и хам, – решил Генрих, шагая через анфиладу проходных дворов в противоположную сторону. – Но оно и к лучшему. Он просто не знает, кто я такой и зачем прибыл в Петроград».

Через десять минут он стоял перед дверью, и вправду обитой черным потрескавшимся дерматином. Подъезд и лестница, и «вообще» несли следы былой роскоши: поотбитый кое-где мрамор, дубовые – с облезшим тут и там лаком – перила, потемневшая лепнина бордюров.

«Н-да, не отель «Риц»... – Генрих отпер дверь и вошел в квартиру, – но и не трущобы».

Темноватый коридор, широко открытая двустворчатая дверь в гостиную, откуда просачивался слабый серовато-грязный дневной свет, спальня, кабинет, кухня, туалет и ванная комната. Солидная обстановка – в гостиной и кабинете из красного дерева, в спальне из карельской березы, – бухарские ковры, бронза, голландский кафель, метлахская плитка, дубовый паркет...

«Недурственно», – в холодильнике нашлась еда, немного, но на первый случай хватит. В высоком резном буфете – несколько случайным образом подобранных бутылок и ключ от сейфа, скрытого, как и следовало ожидать, за морским пейзажем в стиле адмирала Айвазовского.

«Ну, не Айвазовский же, в самом деле?»

Скорее всего, просто мастеровитый художник-маринист, но Генриха, в первую очередь, интересовало содержимое сейфа. «Прапорщик» сказал «как договаривались», однако две недели назад в Каире этот пункт в подробностях не обговаривался. Генрих лишь бросил «горсть вшей» и теперь любопытствовал, насколько «чесалось» у тех, кто пригласил его в Петроград. Проверка на вшивость, так сказать. Мелкая, как пакость, придуманная блондинкой, но именно такие мелочи, как показывает опыт, решают в отношениях многое, если не все.

За толстой, но не слишком надежной стальной дверцей лежали девятимиллиметровый «вальтер Эйч Пи» и тяжелый «стечкин», запасные магазины, португепи, конверт с десятью ассигнациями государственного казначейства номиналом в тысячу рублей каждая и еще один конверт побольше – с паспортом, шоферским удостоверением, двумя отдельными разрешениями на ношение оружия, щедро выписанными на «подателя сего», и десятью сотенными купюрами.

«Что ж, слушать они умеют, посмотрим теперь, как они разговаривают на своем поле».

Проголодаться Генрих, завтракавший еще в поезде, не успел, пить было рано, и особых дел, намеченных к немедленному исполнению, пока не предвиделось. Он поменял паспорт, наполнил походную фляжку многообещающе пахнущим шустовским коньяком и, подавив острое желание взять из сейфа один из пистолетов, вышел на улицу.

Как ни странно, снег перестал, не было и дождя. Правда, заметно похолодало, но демисезонное пальто, приобретенное в Берлине, грело не хуже шинели, хотя и не лучше.

«Что ж, бывало и хуже!» – Генрих натянул перчатки, поправил шляпу, чуть надвинув ее на лоб, и пошел по направлению к набережной. Что сказать, за прошедшие годы город почти не изменился, разве что постарел, поблек несколько, но это могло быть и aberrацией памяти. Мало ли что он запомнил! На самом деле, все могло тогда выглядеть иначе: или так же, как сейчас, или даже хуже. Слишком много прошло времени, слишком много утекло воды.

«Целая жизнь прошла, если подумать...» – Генрих вышел к Фонтанке и остановился в некоторой растерянности, соображая, как лучше пройти на Невский. Получалось, что город он помнит лишь «в целом», без подробностей. Но, возможно, не все еще потеряно, и он все-таки вспомнит, особенно, если погуляет по этим улицам пешком, вспоминая Петроград не только глазами, но и ногами.

В результате Генрих свернул налево, перешел реку по мосту Витовта Великого, увидев справа вдалеке роскошный речной фасад Казареевского подворья, и пошел по Вознесенскому проспекту в сторону Исаакиевской площади. Он никуда не спешил, но шел быстрым шагом, просто, чтобы не замерзнуть. Однако вскоре дали о себе знать последствия последней контузии, и он вынужден был сменить модус операнди¹, включив в свой «стремительный рейд» по местам былой славы частые, но необременительные «биваки»: тут чашка чая с горячим бубликом, там рюмка коньяка с сигареткой или кофе с пахлавой в турецкой кофейне. Нашлась даже стопка водки под соленый огурчик в рюмочной на углу Вознесенского и Беловежской улицы. И все-таки ближе к вечеру Генрих добрался до Исаакиевской площади, посмотрел на знакомую с детства громаду собора, закурил, обошел, не торопясь, храм вокруг, бросив по пути взгляд на монумент нелюбимому императору, и решил, что на сегодня достаточно.

«В самом деле, не все сразу», – он пообедал в ресторане гостиницы «Англетер», то и дело бросая взгляд сквозь высокое окно на бронзового Михаила, и, дав отдых ногам, решил, что возвращение в родной город следует отметить как-то по-особому. Напиться, скажем, до безобразия или пойти в театр.

Желания пить, однако, не обнаружилось, тем более, не хотелось ни с кем «махаться», что и является обычно кульминацией пьянки. Оставались владения Мельпомены, но и за этим дело не стало. В фойе гостиницы Генрих купил билет в музыкальный театр на Английской набережной близ Благовещенского моста, но туда уже добирался на извозчике, решив пощадить занывшую к вечеру и непогоде левую ногу, которой, по правде говоря, никогда особенно не везло.

Выбор оказался безупречным: в театре давали «Прекрасную Елену» Оффенбаха. Парижская музыка была легка и иронична, юмор переведенных на русский язык реприз непритязателен, а голоса певцов просто великолепны. Особенно понравилось Генриху сопрано жены царя Менелая Елены, да и сама актриса, что называется, выглядела «на ять». Не хуже, если честно, был и тенор, певший партию Париса, но мужские голоса лежали вне зоны интересов Генриха, во всяком случае, в том, что касалось музыки.

¹ Модус операнди – образ действия (лат.).

* * *

Выйдя из театра, он неожиданно ощутил потребность прогуляться. Не ехать в Тарасов проезд, чтобы выпить стакан водки и забыться на три-четыре часа мутным сном, а снова пойти куда-нибудь пешком, в Северную Коломну, например, через Новую Голландию или еще куда. Вечерний моцион, так сказать.

«Ночной променада... Почему бы и нет?»

Он поднял воротник, закурил папиросу – в театральном буфете нашлись-таки хаджибейские, то есть, попросту говоря, турецкие папиросы, – и пошел переулком к Конногвардейскому бульвару, потом через площадь перед дворцом великого князя Бориса, к Казачьему стану, к Новой Голландии и Коломне, но не дошел. За Крюковым каналом – Генрих едва перешел через Тюремный мост – его окликнули.

– Генрих! – позвал хрипловатый женский голос.

Он обернулся. На мосту стояла женщина. Темный силуэт в длиннополом приталенном пальто. На голове вязаная шапочка. В руках... Ну, что там было в руках у этой суки, Генрих не разобрал – освещение подвело, но явно какой-то короткоствол.

– Полковник Генрих Кейн, Ревтрибуналом Центрального округа вы приговорены к смертной казни через расстреляние! – сказано четко, быстро, но без спешки и истерики.

«Хладнокровная дамочка», – успел он подумать, и в этот момент женщина выстрелила.

Выстрел. Вспышка. Пуля ударила в грудь, и Генрих сделал шаг назад, отступая перед неодолимой силой...

Он оступился, еще не чувствуя боли, и умер раньше, чем смог ее ощутить. Это был на редкость точный выстрел, хотя и расстояние, по правде сказать, ерундовое. Пятнадцать метров, и крепкая уверенная рука. Вернее, две, потому что женщина стреляла, удерживая пистолет двумя руками. Восьмиграммовая пуля, выпущенная из «люгера» номер восемь, пробила грудь Генриха навывлет, разорвав по пути сердце и задев позвоночник. Впрочем, последнее было уже несущественно, учитывая «сердечную рану», несовместимую с жизнью.

Неожиданным образом Генрих видел все это как бы со стороны. Видел себя, делающего рефлекторный шаг назад, женщину – темный силуэт на мосту, пустынную набережную, безлюдный переулок...

«Что ж, вот как это происходит...»

Выстрел. Вспышка. Пуля ударила в грудь, и Генрих сделал шаг назад, отступая перед неодолимой силой...

«Сука!»

Боль пронзила грудь, и ему пришлось отступить еще на шаг, чтобы сохранить равновесие.

«Вот же, сука!» – ощущение такое, что в сердце ударили кузнечным молотом, выбив заодно и дух, так что «ни дыхнуть, ни пернуть».

«Ох!» – его качнуло, но на этот раз он устоял.

«Контрольный в голову, или как?» – пауза затягивалась. Женщина по-прежнему стояла на мосту, подсвеченная сзади и спереди желтым светом фонарей. Руки вскинута, оружие направлено Генриху в грудь, и кажется, что он видит дымок, курящийся над стволом пистолета, и чувствует запах сгоревшего пороха.

Тишина, покой полного безветрия, безлюдная улица и двое на ней: мужчина и женщина – все намекает на мелодраму, в крайнем случае, на драму. Но жертва и убийца – настоящая трагедия.

Генрих смотрел на женщину, силясь вздохнуть и «оценить ущерб», потом рефлекторно поднял руку к груди. Туда, куда ударила пуля. Провел пальцами в коже по шероховатой ткани в «елочку».

«Шутка случая... Ну, надо же! Однако отчего она не стреляет?»

* * *

Пауза затягивалась. Проклятый Кейн стоял как вкопанный и ощупывал грудь. Под натянутой в перчаточную кожу рукой ткань пальто быстро намокала, и темное пятно растекалось книзу.

«Отчего он не падает?»

Но на самом деле, главный вопрос формулировался иначе – отчего она не стреляет? Натали словно бы очутилась во сне. В тягостном медленном бреду, когда все понимаешь, но ничего не можешь с этим поделать. Стояла в верхней точке подъема моста, ощущая под ногами неровности булыжной мостовой, дышала холодным ночным воздухом, вдыхая мороз и выдыхая пар, смотрела на полковника Кейна, на его освещенное светом фонаря лицо, и не стреляла.

– Контрольный в голову, или как? – натужно прохрипел мужчина. По-русски он говорил чисто, как если бы не был бельгийцем, а природным русаком.

– Вы... Почему вы не падаете? – она слышала в своем, враз просевшем на октаву или две голосе истерические нотки, но, как и водится во сне, была бессильна что-нибудь изменить.

– А должен? – Дыхание, судя по всему, давалось Кейну с трудом, речь – лишь героическим усилием.

– У вас все пальто в крови...

– В самом деле?

Где-то за домами раздался свисток городского. В переулке за спиной застучали о булыжник подковки сапог.

– Выбросьте! – предложил, поморщившись, Кейн. – Живее! Замордуют...

Как ни странно, она его поняла. И, разумеется, Кейн был прав. Даже в лучшие времена, как рассказывали ветераны, с террористами не церемонились. Заломить руки – пусть и даме из общества, бросить лицом на камни мостовой, пройти для острастки сапогами по ребрам – все это цветочки по сравнению с тем, что творилось теперь, после Славной Революции. По нынешним временам, если взяли на горячем, тем более с дымящимся стволом в руках, измордуют так, что враз потеряешь вместе с человеческим обликом все свои принципы, и достоинство тоже. О том, что изнасилуют между делом и не раз, даже упоминать не стоит.

– Ну! – перхнул мужчина, начиная крениться набок. – Вы как? И... Помогите мне, черт вас дер!

Совет показался разумным и уместным, словно бы это и не она стреляла только что в Генриха Кейна, известного половине Европы как Эль Карницero.

«Мясник...» – Натали выбросила «люгер» в канал и успела добраться до полковника раньше, чем набежали городовые с соседних улиц и жандармы от Литовского замка.

– Обопритесь на меня, – предложила она, подхватывая его слева. – Что это?

Запах был недвусмысленный, но поверить в такой абсурд она не могла.

– Вы видели, кто в меня стрелял? – мужчина тяжело оперся на ее руку, но продолжал оставаться на удивление спокойным.

– Это спирт? Да, – опомнилась она, услышав гулкий топот в переулке и трели полицейских свистков. – Высокий, сутулый, лица я не разглядела.

– Я тоже, – мужчина по-прежнему говорил с трудом, дышал с хрипом, – а жаль, удавил бы гада!

– Есть за что, – согласилась Натали. – Вы в своем праве.

– То-то же! – полковник закашлялся.

– Кто стрелял? – крикнул, подбегая, крепкого сложения городской со старорежимной пашкой на поясе. Сабля то и дело била его на бегу по ногам, но ловкий парень умудрялся придерживать ее, не снижая темпа. – Вы ранены, сударь? Вам нужна помощь?

Слова прозвучали, и волшебство момента исчезло, спугнутое появлением посторонних людей. Или это время, выбитое из колеи ее выстрелом, вернулось на пути своя? Ночь уже не казалась волшебной, а город – покинутым. Небо заволокли тучи, отрезав землю от колдовского сияния луны. Стало холодно и знобко. От черной студеной воды начал подниматься пар. И тишину разбили вдребезги тысячи разнообразных звуков: рокот мотора, охающие вопли сирены кареты скорой помощи, крики, оклики, стук каблуков, свитки, ругань и приказы, одышливое дыхание...

– Вы ранены? – сунулся к Кейну городской.

– Никак нет.

– Но это же кровь! У вас все пальто в крови!

– Это коньяк!

– Какой коньяк?

И Натали увидела округлившиеся глаза деревенского увальня, превратившегося волею судеб в столичного стража закона.

* * *

«Шустовский...» – Генрих продолжал находиться в двух местах одновременно. Один он в легком замешательстве наблюдал за всем происходившим здесь и вокруг как бы со стороны. Другой – говорил и действовал, но как-то не по-людски. Слишком спокойно, почти равнодушно.

Генрих покачнулся, перебитая в двух местах нога давала к вечеру о себе знать, но не упал. Кто-то поддерживал под руку, приняв на себя его вес.

«Террористка... Вот же история!»

– Я...

– Вы...

– Кто стрелял?! Вы ранены? – голос грубый, низкий, но сфокусировать взгляд и рассмотреть говорившего Генрих не мог.

– Я?

– Да, да! – прямо над ухом хриплым срывающимся голосом. – Он ранен! Вы же видите, у него все пальто в крови!

– Я не ранен! – возразил «спокойный» уверенный в себе Генрих. – Вы что, запаха не чувствуете?

Он выпрямился, по-прежнему ощущая резкую боль в груди, и уперся глазами в чьи-то чужие, маленькие и переполненные удивлением и недопониманием гляделки.

– Но это же кровь! У вас все пальто в крови!

– Это коньяк! – возразил Генрих, и сам плохо понимавший, что и зачем сейчас делает.

– Какой коньяк? – опешил городской, Генрих его наконец рассмотрел и остался удивленным не доволен.

– Шустовский, – объяснил он, и в этот момент все встало на свои места. Он снова был самим собой, и да – он стоял на набережной канала, опираясь на руку женщины, которая несколько минут назад стреляла в него, но отчего-то не довела дело до конца. Ей оставалось совсем немного – всего один выстрел. Однако она этого не сделала. Впрочем, и Генрих поступал сейчас вопреки логике и привычному образу действий. Хотя, как посмотреть. Это выглядело бы до мерзости тривиально – сдать бабу жандармам. Азбучная истина, так сказать, а

Генрих не любил элементарной арифметики, ему нравилась дифференциальная геометрия и высшая алгебра.

– Да! – ответил он на очередной вопрос. – Нет! Не думаю, что мне понадобится медицинская помощь.

– Увы, – покачал он головой. – Сожалею, но не запомнил. Кажется, он был высок и сутул.

– Высокий, сутулый, – подтвердила женщина, по-прежнему подпирившая его слева. – В шляпе и длиннополом пальто.

– Меня? – переспросила она этим странным ее хриплым голосом, от которого у Генриха совершенно не к месту и не ко времени зашевелилось в штанах. – Наташа... То есть, простите, Наталья Викторовна Цельге.

– Нет, извините, – все тем же возбуждающим ненужные порывы голосом, – я не ношу с собой документов. Да и с чего бы?

«Наташа? Натали... Что ж, имя как имя. На первый случай сгодится, а там... А там жизнь покажет. Поглядим...»

– Нет! – поставил он точку в полицейской суете. – Теперь, господа, вы знаете все, что требуется. Ищите злодея и оставьте нас с Натальей Викторовной в покое.

– Разумеется! – сказал, как отрезал, выслушав жалкие возражения жандармского вахмистра. – Я свои права знаю. Да, и в любом случае, я иностранный подданный и жертва нападения, а не подозреваемый. Компреву²? Хотите быть полезным, господин офицер, вызовите извозчика!

* * *

Ехать оказалось недалеко.

– Остановите здесь! – приказал полковник, едва таксомотор свернул в Тарасов переулок. – Вот, держите! – протянул он извозчику сложенную вчетверо ассигнацию и вслед за Натали покинул салон старенькой «волжанки».

– Надеюсь, у вас нет еще одного ствола? – В свете уличного фонаря черты его лица казались нарочито резкими, взгляд – темным, усмешка – опасной.

– Увы! – ей не хотелось сдавать позиции, но, к несчастью, полковник переигрывал ее по всем пунктам. Однако за вовремя брошенное – равнодушным или, во всяком случае, ленивым голосом – двусмысленное словцо полагалось, как минимум, одно выигрышное очко.

– Что ж, мелкий скот тоже дает навоз, – то ли он читал ее словно открытую книгу, то ли Натали пропустила что-то существенное в контексте или подтексте.

«Сукин сын!»

Полковник отвернулся от нее и смотрел теперь на будку уличного телефона.

– Я, пожалуй, позвоню кое-кому, не возражаете?

– В час ночи?

– И в самом деле! Но знаете что, Наталия Викторовна, я все-таки попробую. – Он открыл дверь будки, изучил скептически обшарпанный аппарат, вздохнул и, достав из кармана пальто гривенник, протолкнул его в щель монетоприемника.

– Не спишь? – спросил полковник, набрав номер. Дверь будки он оставил открытой, но взглянуть на наборный диск не позволил, прикрыв спиной. – Вот и славно! Видел?... Молодец!.. Часам к шести... Спасибо! – И полковник повесил трубку.

– Вот, собственно, и все, – кивнул он и тут же поморщился, непроизвольно тронув рукой грудь. – Болит, клятая. Ладно, не смертельно! Идемте!

– Куда? – вопрос напрашивался.

² От comprenez-vous – вы понимаете (фр.)?

– Рассматриваете варианты?

– Я не... – честно говоря, она не знала, что именно собиралась сказать, и оттого разозлилась на себя едва ли не больше, чем за то, что не выстрелила во второй раз.

– Ну, я и не настаиваю.

«Сукин сын!»

– Шутка удалась, – выдохнула она с паром и почувствовала, что ее начинает трясти. От холода или нервов, но, скорее всего, от того и другого вместе. Нервный озноб. Холодная истерика. Что-то такое.

– Спасибо, – кивнул полковник. – Я польщен. Идемте!

И она пошла. Кроме как с Кейном, идти ей, и в самом деле, оказалось некуда.

Улица была пустынная, что не диво во втором часу ночи. И в темных громадах домов светились лишь отдельные окна.

«Ночь, улица, фонарь... Где живет мясник Кейн? Где может он жить в Петрограде?»

– Нам сюда.

Ушли недалеко, сотня шагов, никак не более.

«Надо же, дом как дом! Все как у людей... Но человек ли полковник Кейн?» – Вопрос вполне экзистенциальный.

На лестнице его снова повело, хотя уже некоторое время полковник шел самостоятельно, отказавшись от помощи Натали, как только они вышли из таксомотора. Она и не настаивала. С чего бы? Но, когда увидела, как его качнуло и понесло на стену, подхватила сразу же, не раздумывая. Удержала от падения, подставила плечо, почувствовала, как грузно – явно, не от хорошей жизни – опирается Кейн на ее руку. Так и дошли до двери, обитой черным, местами полопавшимся дерматином. Черная матовая «кожа», пошедшая трещинами, сероватая вылезшая ключьями набивка, медные фигурные шляпки обойных гвоздей.

«Аллегория империи, разве нет?»

Между тем, немного отдышавшись, полковник отпер дверь и, пропустив Натали вперед, в смутную мглу пустой квартиры, вошел вслед за ней и включил свет.

– Проходите, Наталья Викторовна, устраивайтесь, почувствуйте себя как дома. Квартира съемная, или у вас это как-то иначе называется?

– Меблированные комнаты.

Чем дальше, тем больше она сомневалась, что имеет дело с Генрихом Кейном. Этот «Кейн» слишком хорошо знал русский язык, да и вообще...

«Но если не Кейн, то кто?»

– Меблированные комнаты. Что ж, звучит не хуже. Располагайтесь. В холодильнике есть еда, в шкафу в спальне – постельное белье и полотенца. Нет, – покачал он головой, встретив ее взгляд, – спать с вами я пока не предполагаю. Не сейчас, не сегодня и не силой. Пить будете?

– Буду.

– Водка, коньяк, вино?

Полковник, представившийся полиции подданным королевства Вюртемберг и назвавшийся при этом Генрихом Воиновым, прошел, явственно подволакивая левую ногу, в гостиную и звенел теперь стеклом около огромного буфета красного дерева.

– Налейте водки.

– Правильный выбор. – Голос у полковника низкий, глубокий, предполагающий наличие силы и характера. – После боестолкновений лучше водки – только самогон. Приходилось пробовать? – и он обернулся к Натали, протягивая граненый стаканчик.

– Спасибо. Пробовала. Гадость. – Натали не стала дожидаться, пока полковник возьмет свою рюмку. Тем более, не стала бы пить под тост. Она поднесла холодное стекло к губам и выпила водку в три глотка, стараясь не дрогнуть лицом и не подавиться.

– Ну, дело вкуса, – полковник свои восемьдесят граммов выпил залпом и немедленно налил еще. – Еще будете?

– Я... Я так опьянею.

– Ну, а нам что требуется?

– Кому нам?

– Вам! – криво усмехнулся полковник. – Мне ни к чему, я на пьяных баб не дrouchу. А вам стресс надо снять, выспаться. Я не прав?

– То есть даже если я совсем пьяная стану, – нахмурилась Натали, чувствуя, как расходится по телу приятное тепло и начинается легонько кружиться голова, – и буду... Ну, не знаю, голая разденусь, или еще что?

– В этом случае, тем более. Я, Наталья Викторовна, вышел из того счастливого возраста, когда «лишь бы случай представился», и, смею надеяться, не вошел еще в тот, когда «лишь бы дали». Можете пить без опаски. И спальней распорядитесь, чего уж там. Мне все равно сегодня не до сна будет.

– Болит?

– Болит! – полковник хмыкнул и опрокинул в рот следующую порцию водки. – Надо бы поесть, что ли... А как вам меня описали?

– Да, так вот и описали, – пожала плечами Натали, протягивая ему пустой стаканчик. – Налейте еще, пожалуйста. Невысокий, подволакивает левую ногу. Спасибо. Не всегда, но часто, особенно в плохую погоду или после длительной пешей прогулки. Лицо продолговатое, черты правильные. Лоб высокий с залысинами...

– И место назвали?

– Да. Музыкальный театр на Галерной... А иначе, как бы я вас...

– И в самом деле! – полковник выпил третью рюмку и пошел на кухню. – Есть будете?

– Буду.

– Тогда, берите бутылку и айда за мной!

– Уже! – она подхватила бутылку, шагнула вслед за полковником и едва не врезалась в косяк двери.

«Вот черт!»

– Вы колбасу едите?

– Какую? – спросила она, переводя дыхание и возвращая себе контроль над телом.

– Сейчас... Написано, «Краковская», пахнет костром и чесноком, что скажете? – полковник стоял у открытого холодильника и нюхал упаковку с колбасой.

– Давайте есть колбасу, – Натали вдруг вспомнила, что ничего не ела с раннего утра, то есть со вчерашнего утра. Сегодняшнее должно было наступить всего через несколько часов.

– Кейн – высокий мужик, – полковник бросил колбасу на стол и достал из недр холодильника еще одну упаковку. – Студень... Это холодец, не так ли?

– Так вы не Кейн.

– Нет, но мы знакомы. Что скажете насчет холодца? Под водку, должно быть...

– Да, уж дайте хоть что-нибудь, а то я с голоду умираю.

– Берите вилку и приступайте... – пожал плечами полковник и снова поморщился. – Так вот, – он поставил упаковку со студнем на стол и подхватил оставленную Натали бутылку, – Генрих Кейн – высокий, под два аршина и десять вершков³ приблизительно, лысый, как яблоко, тучный. Такие дела. Будете?

– Да. А вы?

³ Чуть больше метра восьмидесяти.

– А что со мной не так? – полковник отсалютовал ей стаканчиком и выпил. Про себя Натали все еще предпочитала называть его полковником, хотя уже поняла, что «ошибочка вышла» и мужчина этот не Кейн.

– Значит, вы действительно Генрих Воинов? – спросила, выщедив третью по счету рюмку водки.

– Нет, разумеется.

– А кто?

– А оно вам надо?

– Но как-то же я должна вас называть!

– Зовите Генрихом, – предложил мужчина и, протянув руку, плеснул водки в стаканчик Натали. – Еще можете называть меня полковником. Все это соответствует действительности, так что...

«Генрих Воинов... Полковник... – Натали нашла в кухонном шкафу столовые приборы и тарелки, заодно обнаружив и батон белого хлеба. – Русский, а не бельгиец... Живет в Вюртемберге... Я что-то пропустила?»

– А вы какой, полковник, Генрих... э...?

– Ох уж мне эти русские! – вздохнул мужчина, накладывая студень на тарелку. – Отчество обязательно?

– Мне кажется, да. Мы ведь едва знакомы, – она вооружилась ножом-хлеборезом и взялась за батон.

– И это вы называете «едва знакомы»? – указал он небрежно вилок на свою грудь. Пальто полковник снял, пробитую пулей фляжку выбросил, но пиджак в любом случае был испорчен, что называется «целиком и полностью».

– Предлагаете перейти на «ты»?

– Нет, не думаю, – полковник вернулся к холодильнику. – Ага! Вы ведь не будете возражать против горчицы? Дижонская... Вполне. Да, на «вы», я полагаю, но по имени. Как вам такой вариант?

– Передайте мне, пожалуйста, горчицу, Генрих!

– Вот, пожалуйста!

– Вы очень любезны.

– А вы нет, Натали! Испортили мне хорошее пальто и пиджак заодно. Теперь стыда не оберешься, пока новые покупать буду. Мало что выглядит ужасно, так еще и алкоголем за версту несет. Вы из чего стреляли?

– Из «люгера».

– Из «восьмерки»?

– Да, восьмой номер.

– С пятнадцати метров... А ничего так, – полковник прожевал кусок студня и потянулся за булкой. – Это ничего, что я разговариваю за едой? Не интеллигентно, я знаю, но учитывая обстоятельства... Из «люгера» с пятнадцати метров. Не иначе как все мученики и святые угодники за меня хором просили. Восемь граммов – не шутка.

– Вам повезло, – Натали старалась контролировать речь – содержание и произношение, – но не знала насколько успешно с этим справляется. Мало того, что захмелела, выпив уже граммов триста водки, натошак и с морозу, так еще и «отходняк» начался, и трясло ее совсем не по-детски. Не по-девичьи, одним словом, трясло. Не от страха. От осознания последствий.

– Вот и я о том же. А хват двумя руками вам кто ставил?

– Генрих, вы не обижайтесь, пожалуйста, но я своих не сдаю, даже если сейчас пью с вами водку.

– Это если по почкам не бить и голову в ведро с водой не окунать. – Он смотрел ей прямо в глаза, а глаза у полковника были серые, внимательные, и от них веяло стужей. – Но это не

ко мне. Я вас из интереса спрашиваю, так что – не хотите, не отвечайте. Но мне казалось, что в пределах разумного вы мне кое-что могли бы и рассказать. Все-таки я не Кейн, и, следовательно...

– Получается, меня подставили.

– Возможно, – согласился полковник, – но, скорее всего, вы уж не обижайтесь, Наташа, им до вас и дела нет. Вы, как и любой исполнитель вашего уровня, пешка, расходный материал.

«Пешка...» – забавно, но с такой точки зрения она ни на себя, ни на кого другого из боевки никогда не смотрела. Просто не видела такой возможности. Но вот слова прозвучали. И, разумеется, они вызвали протест. Однако протест – всего лишь первая реакция, за которой обычно и приходит понимание. Или не приходит.

– Налейте мне еще.

– Правильное решение. Так что? Можно полюбопытствовать или никак нельзя?

– Любопытствуйте, – она откусила слишком большой кусок бутерброда с колбасой и на некоторое время замолкла, но и полковник не спешил. Ел свой холодец с горчицей, жевал, смотрел в темное окно, выходявшее на двор-колодец.

– Ревтрибунал Центрального района, это что? – спросил, даже не обернувшись.

– Эвфемизм, – проглотив последний кусок, ответила Натали. – Решение руководства, как всегда. Или инициатива снизу. Так тоже случается, но не в вашем случае.

– Любопытно. Ну, а партийная принадлежность? Или вы, Наташа, вольный стрелок?

– Наемница?! – вскинулась Натали. От оскорбления даже в виски ударило, и перед глазами закачалась кровавая марь.

– Полагаете, быть наемником оскорбительно? – все-таки обернулся, лицо серьезное, глаза чуть прищурены.

«Он так целится, – поняла она, несмотря даже на алкогольный туман, начавший завлакивать сознание. – Он близорук. Но не серьезно. Видит прилично, но, когда стреляет из винтовки...»

– Я своих партийных взглядов не скрываю! – Откуда взялся гнев? С чего вдруг, и куда ушел? Отчего?

– «Набат»! – буркнула раздраженно и оперлась рукой о стол. Комната плыла, вращалась и нагревалась от вращения. Становилось жарко. Струйка пота скатывалась с виска, еще одна – торила дорожку вдоль позвоночника, где-то в районе застежки бюстгальтера.

– Разьясните, если не затруднит, – полковник пыхнул только что закуренной папироской, выпустил облачко сизого дыма. – Я, видите ли, с российскими реалиями знаком весьма поверхностно, так что...

– Что такое ФАР знаете?

– Федерация анархистов России?

– А говорите, не разбираетесь! – Натали вдруг ужасно захотелось курить. Иные дни и не вспоминала о табаке, а сейчас, как приспичило. – Дайте папиросу!

– А мне показалось, вы не курите! – Оказывается, он уже протягивал ей открытую коробку с изображением танцующей турецкой девушки. – Держите, Наташа. Вы позволите мне вас так называть?

– Называйте, – пожала она плечами.

– Так что там с ФАР и «Набатом»?

– «Набат», – вспыхнула с треском и шипением серная спичка, огонь лизнул край папиросы, и рот наполнился сухим горьким дымом, – «Набат» – это газета анархо-синдикалистских профсоюзов.

– Значит, вы анархо-синдикалистка?

– Во всяком случае, была. – Сейчас Натали не была уже в этом уверена, но не рассказывать же об этом полковнику! Или рассказать? – Вы спрашивали о хвате двумя руками...

– Да, – холодно усмехнулся полковник. – Техника налицо.

– Я прошла полный курс «Тамбовских волков», – похвасталась Натали, отдышавшись после новой порции водки.

– Впечатляет! – полковник смотрел на нее с каким-то новым выражением.

«Сейчас он подойдет... Он... Он подойдет и... Поцелует или сразу завалит на стол?

Он...»

– Я...

– Вы готовы, – кивнул он. – До кровати доберетесь сами, или помочь?

Глава 2

Медленный фокстрот

– Завтракать, конечно, не будете? – положительного ответа Генрих не ожидал. Спросил из вежливости и получил в ответ кислую мину.

– Не буду.

«Интересное дело, – подумал он мельком, стараясь не смотреть Наталье в лицо, – отчего красивые женщины остаются самими собой даже с похмелья, а мужчины – никогда?»

– Ладно, уговорили! – кивнул Генрих. – Пейте кофе, и вот вам еще в терапевтических целях... – плеснул он ей «на чуть» шустровского коньяка.

– Я не люблю кофе!

«Что характерно, рюмку с коньяком прибрала без разговоров, а кофе, видите ли, не нравится».

– А зря! – Генрих налил коньяка и себе, «чтобы запить аспирин», и снова подумал о том, как переживают похмелье хорошенькие женщины. – Пейте, Наташа! Кофе в вашем состоянии – самый подходящий напиток, вы уж поверьте моему опыту!

На самом деле он лукавил. Наташу трудно было назвать красавицей. Слишком жесткое лицо, опасный взгляд, резкие черты. Молодая, это да, но все-таки не красавица. Впрочем, молодость дорогого стоит, особенно, если речь о женщине, а говорящему – шестой десяток пошел.

«Не красавица, но...»

Какой эпитет подобрать? Симпатичная? Нет, пожалуй. Симпатичная – это о ком-то другом. Привлекательная?

«Такая привлечет. Догонит, и привлечет еще раз!»

Однако едва он успел мысленно пошутить, как двойной смысл шутки заставил его остро почувствовать свою неправоту.

«Интересная!»

В точку! Узкое бледное лицо. Правильные, хоть и резковато выведенные черты. Черные, коротко – едва ли не под мальчика – подстриженные волосы. Синие глаза.

«Н-да... И все, как всегда, упирается в половой вопрос!»

Скорее всего, нынешние «неудобства» определялись лишь тем, что у него давно не было женщины. Как-то он этот вопрос запустил, а теперь, вишь, как проняло.

«Безобразие!»

– Вы, Наташа, авто водить умеете? – спросил вслух, выпив коньяк и закуривая.

– Что? – поперхнулась женщина, брызнув с губы мелкими каплями кофе. – Какое авто? Вы о чем?

– У меня, видите ли, грудь очень болит... – Грудь действительно болела. Особенно левая половина. Она вся была один сплошной синяк, за ночь сползший вниз, на бок и на живот. – И левая рука. В таком состоянии за баранку не сядешь, сами должны понимать.

– Так вы что, – нахмурилась Наталья, – хотите, чтобы я у вас шофером служила?

– Отчего бы и нет? – Генрих решил, что идея дорого стоит, да и не врал он почти. Даже наоборот: он ведь не стал ей рассказывать, что у него еще и мигрень на фоне вчерашних переживаний случилась. А хорошая мигрень стоит, если кто не знает, нормального осколочно-пулевого в мягкие ткани.

– Отчего бы да? – адаптировалась женщина к меняющейся ситуации почти мгновенно. Сейчас она была уже спокойна, собрана, хмуро-иронична.

«Не шавка... Настоящая сука! Посмотрим...»

– Вы мне задолжали, разве нет?
– Да, пожалуй.
– Так вы умеете управлять автомобилем?
– Умею... но у меня нет прав.
– Вообще нет или только с собой?
– С собой, – нехотя признала Наталья.
– Мы могли бы заехать...
– Заехать? – нахмурилась она.
– Вот что, – предложил тогда Генрих, – давайте перестанем плести кружева и назовем вещи своими именами. Я кому-то нужен. Вернее, я нужен им мертвым и не нужен живым. Кому и отчего, не знаю. Возможностей – тьма, а материала для размышлений – ноль. И это все обо мне. Во всяком случае, пока. Согласны?

– Допустим.
– Что ж, считаем, что допустили. Теперь о вас. Тот, кто вас послал, сыграл вас, Наташа, втемную. Полагаю, в ваших кругах такое поведение не приветствуется.

– Вы сказали.
– Отсюда следует, что возвращаться вам пока некуда. Убьют.
– Возможно.
– Можно, конечно, попробовать объясниться... – это был камень в кусты. Бросок наобум.
– Не обсуждается.
– Вообще или только со мной?
– С вами, полковник!
– Хорошо, – спорить с очевидным бессмысленно. – Мое предложение таково: оставайтесь со мной. Дня на три-четыре. А потом уедете, я вам и билет куплю, куда скажете. Или к своим вернетесь, если объясниться получится. Или еще как...

– Небезупречно, но приемлемо... – Наталья взяла со стола пачку папирос, покрутила в длинных крепких пальцах – «Пианистка или лучница!» – взяла одну, оббила о не по-дамски остриженный ноготь большого пальца, взбросила в угол рта. – Однако если я появлюсь подле вас...

– Я не Кейн, – напомнил Генрих, знавший по опыту, что такое моральные императивы.
– Вы не Кейн. Однако, может статься, вы ничем не лучше. Я-то вас не знаю.
– Я вас тоже не знаю.
– Резонно, – согласилась Наталья и протянула руку за спичками. – А теперь скажите честно, Генрих, зачем я вам понадобилась? Ну, не авто же, в самом деле, водить!

Получалось, что он не ошибся. Покушение и, тем более, его странный исход ставили Наталью в достаточно сложное положение.

«Между молотом и наковальней!»

Между своими и чужими. Между полицией и боевиками. Между хитроvanом, играющим свою, особую игру, и руководством анархистской боевой организации.

«Непросто...»

И все-таки всей правды о том, что и как заварится теперь вокруг вчерашнего инцидента, Генрих знать не мог. А женщина, как он ее теперь понимал, была не дура и не из новичков. У нее могли быть и совершенно неизвестные и даже непонятные Генриху резоны. Иди знай, что у такой стервы на уме!

– Видите ли, – кое-что он ей сказать все-таки обязан, иначе никак. – Видите ли, Наташа, я прибыл в Петроград, чтобы обсудить с некоторыми людьми некоторые вопросы.

– Звучит многообещающе, – мрачно усмехнулась женщина. – И ключевое слово здесь – «некоторые».

– Вы правы, – не стал спорить Генрих. – Но есть еще одно важное слово. «Кое-что».

- Это два слова, а не одно.
- Вообще-то, одно, но суть от этого не меняется.
- Да, скорее всего, – согласилась Наталья и затынулась, прищурившись.
- Они знают обо мне кое-что, но хотят знать больше.
- То есть им вас убивать не резон.
- Этим – нет, но есть и другие.
- И вы хотите всех их заинтриговать.
- «Умна!»
- Хочу попробовать.
- И как вы это видите?
- Я вижу рядом с собой элегантную молодую женщину с мрачным выражением лица, опасным взглядом и повадками наемного убийцы.
- Звучит заманчиво, – выдохнула дым Наталья, – шофер, телохранитель...
- Возможно, любовница.
- За нами станут следить.
- Уже начали, – уточнил Генрих. Ему нравилось, как женщина вела разговор. И сама женщина нравилась тоже, и это следовало признать и осмыслить, чтобы не наломать дров. – Но учтите, Наташа, чем больше станут нас опекать эти люди, тем труднее будет другим людям приблизиться на расстояние выстрела. Ко мне или к вам.
- Мне понадобится ствол, – похоже, Наталья уже раздумывала над практическими вопросами. Над тем, например, где и как добыть по-быстрому оружие.
- Выбирайте! – Генрих, не таясь, открыл сейф и вынул оба пистолета. – Один – ваш, другой – мой.
- «Стечкин», с вашего позволения!
- А не крупноват?
- Мне в самый раз, а что касается размеров, то вам ведь и нужно, чтобы его увидели. Я не ошибаюсь?
- Нет.
- А еще мне понадобятся деньги.
- Много? – поднял бровь Генрих.
- Не в этом смысле, полковник, – отмахнулась она, гася окурок в пепельнице. – Мне одеться надо. Ну не так же идти?
- А справитесь?
- Э... Что вы имеете в виду? – еще больше нахмурилась женщина.
- Вам нужен помощник, или сами знаете, что и как?
- Вопрос не праздный. Революционерки левого толка одеваются обычно с удручающим безвкусием, и, хотя про Наталью этого не скажешь, ее одежда была всего лишь практична и не бросалась в глаза. И это все о ней.
- Справлюсь.
- Отлично! – Генрих вынул бумажник и отсчитал пять сотенных билетов. – Вот пятьсот рублей золотом, как считаете?
- Вполне! – кивнула Наталья и протянула руку за деньгами.
- Да, нет! – сообразил вдруг Генрих. – Экий я простак! Вам же разные наряды нужны, а не один! Три-четыре перемены, как минимум, а еще белье, обувь, какие-нибудь украшения. Не драгоценности, допустим, но все-таки... И потом, у вас даже зубной щетки нет, не говоря уже...
- Давайте не будем уточнять! – остановила его Наталья. – Каков наш бюджет? Если пять сотен, то...
- В пять тысяч уложите?

- Все так серьезно? – глаза женщины словно бы выщвели от холода.
- А вы что думали, я в бирюльки сюда играть приехал?

* * *

«Полковник Генрих Воинов из Вюртемберга...»

Слова, казалось бы, понятные, русские, но смысла в них нет. Бессмыслица. Нелепость.

«Абсурд и нонсенс!»

Тем притягательней тайна личности этого странного мужчины. Почему Эльф указал на него? Был кем-то введен в заблуждение или, напротив, именно Воинова имел в виду, когда называл его Кейном? Все может быть, но может и не быть. Однако вот еще непостоянный вопрос – отчего Воинов не сдал ее полиции. Не хочет светиться или предпочитает наводить тень на плетень? Не выдал, не свернул шею, даже не... Впрочем, у него, наверное, сломаны несколько ребер...

«А может быть, он, и вовсе, не по этой части, или я не в его вкусе, или еще что!»

Одно ясно – человек он не простой и в Петроград прибыл неспроста. Неслучайным представлялось и покушение. Однако верно и другое: из-за этого гребаного полковника – кем бы Генрих Воинов ни оказался на самом деле – Натали попала в историю, которую так с ходу никому не расскажешь и не объяснишь, а уж разрулить все проистекающие из нее большие и малые проблемы, потом изойдешь и кровью умоешься. Оставалось лишь «ждать и догонять», чего Натали делать не любила, хотя и умела.

– А где, к слову, ваш автомобиль? – спросила она, рассматривая с мрачным интересом выстроившиеся вдоль тротуара машины. Отчасти было даже любопытно, которая из них принадлежит Генриху.

– Полагаю, вот тот синий «Кокер»⁴, – небрежно кивнул полковник.

– Полагаете?

«Он что, собственного автомобиля не помнит?»

– А вы подергайте за ручку дверцы! – предложил Генрих, невозмутимо попыхивая на холодном ветру папироской. – Если открыта, значит, машина моя, а если нет, будем искать дальше.

– Похоже, что она ваша... А ключ?

– Посмотрите, пожалуйста, в бардачке. Там же и документы должны быть.

Вот так просто. Как само собой разумеющееся. Почти естественно, но, разумеется, не без умысла. Наверняка хотел посмотреть на ее реакцию.

«Что ж, пусть смотрит!»

– Сначала заедем на Лиговский за моими вещами, – сказала, садясь за руль, – потом...

– Потом на Итальянскую к Пассажу, я полагаю, – Генрих сунул окурочок в пепельницу и захлопнул дверцу. – Там, я слышал, магазины лучше и все в одном месте. Опять же парикмахеры, маникюрши... Часа за два управитесь?

– В котором часу у вас встреча?

– В три пополудни в галерее «Артис» на Колокольной улице.

«Надо же, не в меблированных комнатах, не на чердаке или в подвале! Полковник встречается в галерее современного искусства. Шемякин, Овчинников, Арефьев... Кто бы подумал!»

– Успеем, – она выжала сцепление и плавно отпустила педаль газа. Погода стояла холодная, так что приходилось иметь в виду еще и температуру воздуха.

⁴ Кокер – народное прозвище автомобиля марки «Кокарев и Ершов», Товарищество «Моторные заводы Симендера».

* * *

Людвиг подошел к нему в магазине верхней одежды, когда Генрих примерял темно-серое драповое пальто. Возник из ниоткуда, вежливо кивнул отражению в зеркале, осторожно коснулся кончиками пальцев рукава.

– Хорошая ткань, сударь. Теплая. Как раз для нашей погоды. Я бы рекомендовал приобрести заодно и шарф. Зима все-таки...

– Женщину видел?

– Так точно.

– Водительское удостоверение на имя Натальи Викторовны Цельге, – Генрих застегнул пальто на все пуговицы и отметил мысленно, что шарф действительно не помешает. – Имя, разумеется, неродное. Возраст – двадцать четыре года. Плюс минус один-два. Речь правильная. По-видимому, знает немецкий и французский языки. Скорее всего, закончила, как минимум, гимназию. Анархо-синдикалистка. Близка к группе «Набат» и, скорее всего, состоит в боевой организации ФАР. Прошла курс городских партизан Нефедова – «Тамбовские волки». Узнай, что сможешь, и, как можно, быстрее.

– Сделаем. Я бы сменил заодно и туфли. Легковаты для Петрограда, мне кажется.

– Разумно, – согласился Генрих. – Что Карл?

– Через сорок минут в чайной «Зефир». Выходите на Невский проспект и идете налево до следующей улицы. Заведение находится почти сразу за углом. Второй этаж. Господин с журналом «Нева». Пенсне. Волосы светлые с сединой, пробор посередине.

– Хорошо, – кивнул Генрих. – Кто сегодня ходит за мной?

– В первую половину дня – Ульрих и Вальтер, после обеда – Гюнтер и Рихард. Надо было и вчера вас подстраховать.

– Все не учтешь! Свободен.

– Честь имею! – Людвиг чуть склонил голову в поклоне и растворился среди вешалок с пиджачными парами.

Генрих встречей остался доволен. Пока – если не считать вчерашнего покушения, едва не стоившего ему жизни – все шло неплохо. Во всяком случае, не хуже чем планировалось. Возможно, что и лучше. Однако участие в деле Натальи Викторовны Цельге пока не просчитывалось. Оно лишь угадывалось, никак не более. Впрочем, интуиция, которой Генрих привык доверять, не молчала. Она нашептывала на ухо крайне любопытные перспективы.

«Что ж, поживем – увидим!»

Распрощавшись с Людвигом, Генрих купил себе темный костюм-тройку из натурального английского твида, белую рубашку Бурьлинской мануфактуры, венецианский шелковый галстук, пальто варшавского пошива и шерстяное кашне. Подобрал в обувном магазине на первом этаже галереи зимние ботинки на толстой каучуковой подошве и, окончательно переодевшись во все новое, вышел на улицу.

Питерская погода не разочаровала. Снаружи снова шел снег с дождем, и видимость не превышала двух-трех метров. По-хорошему, следовало бы озаботиться приобретением большого зонта из тех, что в собранном виде похожи на трости – в качестве трости могли и служить, но Генриху, привыкшему к другому образу жизни, переучиваться было поздно, да и незачем. Идти оказалось недалеко, и промокнуть он не успел.

– Здравствуйте, Федор Иванович! – Карл сидел за столиком у окна, пил чай и просматривал свежий журнал.

– Рад вас видеть, Генрих Николаевич! – контакт вел себя естественно, из легенды не выбивался, внимания к себе не привлекал. – Составите компанию?

– Всенепременно! – Генрих повесил пальто и шляпу на деревянную полированную вешалку, стоявшую в простенке между двумя высокими окнами, и присел к столу. – Черный чай, – кивнул он половому, одетому, впрочем, скорее как ресторанный официант, чем как обслуга из русского трактира. – Что можете предложить? Дарджилинг? Ассам? Хунань?

– Практически все, что пожелаете, – чуть склонил голову средних лет по-европейски ухоженный половой, – но я рекомендовал бы красный кимун фирмы Высоцкого. Великолепный чай с легким привкусом вина, фруктов и сосны...

– Уговорили! – усмехнулся Генрих. – Без сахара, но что-нибудь сладкое я бы съел.

– Смоква из груш на меду, смоква из рябины, лепные и печатные пряники, архангельские козули, пирожки с клюквой, европейские пирожные...

– Два пирожка с клюквой, – решил Генрих. – Благодарю вас.

– Итак? – спросил Карл, когда половой отошел, чтобы выполнить заказ.

– На первый случай, я хотел бы получить краткую – времени у нас не более часа – справку о внутривластном положении империи. Это возможно?

– Разумеется! Иначе за что вы мне платите?

«И немало!»

– Тогда приступим.

– Что ж... – Федор Иванович Комаровский служил в Первом промышленном кредитном банке, занимаясь анализом рынков. Специалист он был не из дешевых, но в определенных кругах имел репутацию человека не просто умного и знающего, но и осторожного, осмотрительного и основательного. И, что не менее важно, не болтливого. – Что ж... – поправил он пенсне. – Начнем, пожалуй, с того, что империя находится в состоянии шаткого равновесия. Проблематичность ситуации, однако, заключена в том, что наличествует более одной силы, способной данное равновесие нарушить.

– Вы имеете в виду мартовский кризис?

– И да, и нет, – Комаровский промокнул губы салфеткой и откинулся на спинку стула. – Видите ли, Генрих Николаевич, конституционный кризис семнадцатого марта был ожидаем с момента подсчета голосов на последних выборах в декабре прошлого года, но спровоцировали его люди недалекие и недаленовидные, относящиеся к политической периферии, тогда как главные игроки в крушении системы заинтересованы не были. Не хотят они этого и сейчас. Однако, если в марте они с кризисом справились быстро и относительно безболезненно, отнюдь не очевидно, что это получится у них во второй раз.

– Вот как! – кивнул Генрих. – Что ж, тогда, давайте перейдем к конкретике.

– Как прикажете! А конкретика, как ни странно, относительно проста. Империю удерживают от саморазрушения инерция привычки и усилия тех самых политических игроков, о которых я упоминал ранее. Усилия несогласованные, но все-таки – и это самое важное – идущие в одном направлении и оттого приносящие приемлемый результат. Во всяком случае, до времени.

– Хорошо сформулировано! – вежливо улыбнулся Генрих. – Хоть сейчас ставь в передовицу «Глашатая» или «Ведомостей»! Однако мне нужны конкретные факты, имена, подробности.

– Не торопитесь! – мягко остановил его Комаровский. – Вы сказали час? Значит, у меня по-прежнему времени в достатке. Будут вам и подробности, будут имена и цифры. А вот, к слову, и ваш заказ.

– Благодарю вас! – кивнул Генрих половому и, отодвинув тарелочку с пирожками, полез за папиросами. – Итак!

– Империя живет историей и традициями, Генрих Николаевич. Любая империя. И Российская, в этом смысле, не исключение. Ее удерживает на плаву привычка. В сознании обывателей все еще не сформировался образ нового времени. Они живут воспоминаниями. Ходят в

церковь, хотя все опросы показывают неуклонное падение как интенсивности верований, так и уважения к институтам Церкви. Это особенно характерно для двух христианских конфессий – православных и протестантов – и всех трех иудейских. В меньшей степени это касается мусульманской общины, но общие тенденции верны и для нее. Формальное исполнение ритуалов заменяет глубину веры. Очень много смешанных браков. Падают доходы духовенства. Резко упало влияние Церкви – в широком смысле этого слова – на формирование моральных ценностей населения и его поведение.

Все то же самое можно сказать и о соблюдении законов и общепринятых норм поведения. От впадения в анархию нас удерживает всего лишь сила привычки. Законодательная база устарела и частью отменена. Судебные органы работают скорее по инерции, чем из понимания своей истинной роли в качестве независимой составляющей структуры власти. Народ безмолвствует... – усмехнулся вдруг Комаровский, но усмешка вышла невеселая. – Он просто не разобрался пока с тем, как это работает, не увидел, что система обветшала и потеряла устойчивость. Толкни, и рухнет. Но дурацкое дело не хитрое, ему объяснят. Я имею в виду, народу. Желающих достаточно, просто они и сами еще не сообразили, что и как происходит.

– Разберутся, – согласился Генрих, – и другим объяснят.

– Не без этого. – Комаровский достал трубку и стал ее неспешно набивать. – Полицию никто не любит и не уважает, но страх перед неограниченной вооруженной силой все еще жив. Вопрос, сколько должно пройти времени до тех пор, пока чернь не сообразит, что городских можно безнаказанно вешать на фонарных столбах? Правда, остается еще жандармерия. Ее бояться не напрасно, в последний переворот она это доказала весьма красноречиво. Но одной жандармерии с серьезным мятежом не справиться. Это апропо, так сказать. Замечание на полях к нашей дальнейшей дискуссии. Пока же, что там у нас осталось?

– Армия и власть, – предложил Генрих. Сейчас он не жалел ни одного рубля, потраченного на Комаровского. Похоже, Федор Иванович был именно тем, кто ему нужен здесь и сейчас, в эту осень в Петрограде.

– Армия... Она в значительной степени утратила и героический образ, сформировавшийся в ходе мировой войны, и свою, так сказать, профессиональную привлекательность, не говоря уже о боеспособности. Умные люди служить не стремятся и больших надежд на армию не возлагают – что не удивительно, имея в виду результаты последних региональных конфликтов. Тем не менее, даже испытывая страх перед призывом, – знаете ведь эти наши народные стоны про «заберут, забреют», – простые люди продолжают свою армию любить и уважать. Скорее, по привычке, чем из каких-либо иных соображений. Но надолго ли? Боюсь, что и этой вере скоро придет конец. И, наконец, власть. Тут все обстоит еще хуже. Вот вы подумайте, Генрих Николаевич, если – не дай бог – случится война с германцем? Пруссия нападет или австрияки... С каким кличем пойдут в атаку наши солдатики? «Ура»? «Даешь»? Или «За Веру, Царя и Отечество»? Про веру мы уже говорили. Поговорим теперь о царе.

Комаровский замолчал, раскуривая трубку. Молчал и Генрих. Он отпивал понемногу чай из тонкостенного стакана в серебряном подстаканнике и попыхивал папироской. Ждал продолжения. Думал. И было о чем. Нынешняя Россия в большой степени представлялась ему как терра инкогнита. Неизвестная земля, в которой он, Генрих, несмотря ни на что, обыкновенный иностранец. Ну, только что язык знает в достаточной мере. Но страну, нынешние ее быт и нравы...

«Чужак в чужой стране... Так, кажется?»

– Итак, царь, государь наш Петр Константинович – император Старой и Новой Руси, Литвы, Польши и так далее, и так далее. Каган наш и великий князь, Генрих Николаевич, если по правде сказать, пьяница и обалдуй. Сидит в Новогрудке, в Черемном замке, пьет горькую, портит фрейлин ее величества и... И, собственно, все. Формально его полномочия ограничены законом от пятого февраля «Об учреждении Думы и о выборах в оную» и законом

Парамонова-Левьятана «О порядке формирования правительства». Однако Конституция ни прошлым, ни нынешним составом Думы не принята, а значит, остается в силе Основной закон в формулировке 1769 года. Понимаете, что получается? С одной стороны, в глазах народа Петр законный преемник Константина, Михаила и Федора, но они все были абсолютными монархами, а он – нет. Ошибочное это мнение, однако, идет стране на пользу, поддерживая видимость преемственности и стабильности. То есть удерживает конструкцию империи от разрушения. Но на самом-то деле это не так. Это иллюзия, Генрих Николаевич, поскольку Петр – монарх конституционный. Царствует, но не правит.

– Но Конституция не принята...

– А это другая сторона медали, милостивый государь. С точки зрения господина Лаговского – премьер-министра правительства, политический строй России уже четвертый год подряд характеризуется как конституционная монархия. Однако в отсутствие нормальной законодательной базы это не так. Абсолютная монархия никем пока не отменена, а следовательно, Дума – незаконна, и принятые ею решения имеют силу постольку, поскольку они подписаны императором. Понимаете теперь, какой политический казус мы получили?

– Расскажите мне о Лаговском! – попросил Генрих и закурил новую папиросу.

– Лаговский, что ж...

* * *

Разговор с Комаровским оказался чертовски увлекательным. Настолько интересным, что Генрих забыл на время и о мигрени, и о болях в груди. Так бы и сидел в чайной, попивая крепко заваренный душистый кимун, и слушал профессора. Час, другой, может быть, третий... Однако «*Ни в чём нет совершенства в этом мире*», как выразился поэт Гейне, и это так. Генрих, увы, не располагал необходимым временем, да и место для долгой беседы не подходящее. Слишком людное, слишком на виду. Впрочем, грех жаловаться, на первый раз и так получилось неплохо. Во всяком случае, задел оказался куда лучше, чем можно было ожидать. Весьма содержательная лекция получилась. Познавательная и не лишенная практической ценности.

«Весьма...»

Генрих увидел Наталью издалека. Не узнал, но обратил внимание и вслед за тем угадал, сам себе, впрочем, сперва не поверив. Высокая, она стала теперь еще выше, встав на двухвершковые каблуки. Бегать в таких сапогах, наверно, трудно, зато двигаться элегантно, – если умеете, разумеется, – в самый раз. Наталья умела. Шла уверенно, но мягко, чуть покачивала бедрами, обозначая женственность, но не выставляя напоказ. Все и так было понятно про нее. Вернее, все, что она хотела сказать.

Короткое пальто, длинная юбка, шелковый платок, напрочь скрывающий волосы, и фетровая шляпа с широкими полями и характерным надломом. Как бы Североамериканские Соединенные Штаты, как бы сицилийская Коза Ностра, как бы Чикаго из фильма про мафию. Стильно, опасно, притягательно... И очки в тонкой металлической оправе с круглыми темными стеклами.

– Здравствуйте, Генрих! Рада вас видеть! Как поживаете?

Гляди, старый хрыч, какая я молодая и красивая! Смотри только, слюной не захлебнись!

– Здравствуйте, Наташа! Душевно рад вас видеть, хотя, видит бог, соскучиться не успел! Отобедаете со мной?

– Всенепременно! – Улыбнулась, словно оскалилась. Тонкие чувственные губы коротко разошлись, обнажив на мгновение белые ровные зубы. – Я вам нравлюсь?

– До неприличия, – усмехнулся в ответ Генрих. – Как понравились вчера вечером, так все нравиться с тех пор и нравиться. Даже голова немного кружится.

– Только не говорите, что я красавица. Терпеть не могу, когда врут в глаза.

– Но, с другой стороны, и не уродина ведь!

Они встретились недалеко от входа в ресторан «Петрополь», логично было в нем и пообедать.

– Прошу вас! – Генрих пропустил Натали вперед, в гостеприимно распахнутые швейцаром двери, и прошел следом. – Не могу не отметить со вкусом подобранный гардероб.

– Образу результата соответствует?

– Учились на философском факультете?

– Нет, на курсах кройки и шитья. Так как образ?

– Я удовлетворен, – кивнул Генрих, помогая Наталье снять пальто. – Если остальные ваши приобретения...

– Я оставила их в вашей машине.

– Мадемуазель?! – в глазах гардеробщика плескался ужас.

– Все в порядке, любезный! – остановил бедолагу Генрих и сунул ему в нагрудный карман рубль ассигнацией. – Моя дама никогда не расстается с маузером, и у нее, разумеется, есть на это разрешение полиции. Идемте, дорогая, рукоять «стечкина» очень украшает ваш жакет. Это кашемир, не так ли?

– Так! – почти равнодушно ответила Наталья, поправляя под жакетом плечевую кобуру открытого типа.

Оделась Наталья со вкусом и умно. Вроде бы и не броско, но всякий внимание обратит, как те двое, например, за столиком справа. Гвардейские офицеры интеллигентно скосили взгляд, не более, но и этого достаточно. Впрочем, рукоять пистолета Наталья им не показала. Она, как оказалось, умела не только выбрать для гардероба правильные вещи, но и носить их. Вот и сейчас, гвардейцы – а судя по знакам различия, оба блондина служили в полку трокайских⁵ караимов – увидели только то, что хотела им показать Наталья Викторовна.

«Наверняка ведь уверены, что красавица... И про то, что шлюха, подумали, а вот ствола не заметили». – Наталья Генриха не разочаровала, скорее заинтриговала. Для террористки она оказалась несколько более ироничной, чем можно было ожидать от этих жестких угрюмых людей, и еще этот шарм, неизвестно откуда вдруг возникший, и элегантность незаемная, и свобода в поведении...

– Прошу вас!

– Благодарю!

– Вас не затруднит снять очки, или это слишком личная просьба?

– Наслаждайтесь, Генрих! – Она сняла очки и, сложив, сунула в боковой карман жакета. Синие глаза казались сейчас более темными. Смотрели спокойно, но скорее отражали чужой взгляд, чем являлись зеркалом души.

«Нет, не красавица. И сама об этом знает, но ее это не волнует. Вот в чем секрет. Она самодостаточна».

– Вы плохо выглядите, – голос Натальи звучал ровно, но легкую нотку тревоги Генрих все-таки уловил.

«Или захотел услышать... Как там у поэта? *Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман...* Так, кажется?»

– Возраст, – кисло усмехнулся Генрих, – немочи и утомление, да еще вы постарались.

– Так, может быть, отмените встречу в галерее?

– Нельзя, – почти искренне вздохнул Генрих. – Знаете, как говорится, болезнь – не повод, смерть – не причина.

⁵ То есть из города Троки, ныне Тракай.

– Так вы, полковник, служили в Первом шляхетском полку? – Удивление – слишком сильная эмоция. Вопреки желанию Натальи отзвук чувства проник и в ее низкий с хрипотцой голос и во взгляд сапфирово-синих глаз. – Как же вас занесло в Вюртемберг?

– Превратности судьбы, – сухо ответил Генрих, отметив между делом, что не ошибся в своих предположениях, и начал обстоятельно допрашивать подошедшего официанта по поводу закусок, супов и основных блюд, не забыв, разумеется, спросить сомелье про рекомендуемые вина и десерт.

* * *

Встречу в Колокольном переулке организовывали люди опытные и осторожные. На улице под мокрым дождем – никого: ни городского, ни празднующихся половозрелых граждан призывного возраста. Несколько припаркованных вдоль тротуара автомобилей, редкие проезжающие через переулок авто. Тихо, сумрачно. Горят, растрачивая впустую электрическую энергию, уличные фонари, клубится голубая неоновая дымка в широких окнах кофейни «Полпути», отсвечивает алым витрина галереи. Внутри – гулкое фойе и одинокий мужчина, читающий газету на банкетке у противоположной от входа стены. Прямо около двери на черную лестницу.

– Вам сюда. Оружие?

– Мне уйти? – Голос у полковника холодный, от его звука бросает в дрожь даже пообвыкшую уже Натали. Охранника же пробил пот.

– Извините! – по-видимому, приглашающая сторона встречей дорожила никак не менее Генриха, пришедшего в Колокольный переулок, несмотря даже на нездоровье, а как бы и более. Во всяком случае, распоряжения охране, как и полагается, сделаны на все случаи жизни и, скорее всего, недвусмысленные. – Вас ждут. Третий этаж, большой выставочный зал.

– Спасибо.

На третьем этаже дверь с лестницы, охраняемая еще одним молчаливым господином в неприметном сером плаще, открылась прямо в просторный зал, плохо освещенный дневным светом, проникающим через усиливающийся снегопад и остекление потолочного «фонаря». По углам клубились тени, на высоких стенах темными пятнами – полотна коллекции. В противоположном конце зала, у другой плотно затворенной двери, их ждал высокий полноватый господин в длинном пальто с меховым воротником и в велюровой шляпе. Он пошел навстречу, едва Генрих переступил порог.

– Мы договаривались о встрече тет-а-тет, – голос у мужчины красивый, завораживающий. Бархатный баритон. Глаза темные, внимательные.

– Наташа, – повернулся к ней Генрих, – будь любезна...

– Разумеется, – она улыбнулась полковнику, бесстрастно кивнула «Кошмарскому», повернулась и пошла, гулко постукивая высокими каблуками, к дальней стене.

«Твою ...!» – Оказывается, полковник, прибыл не просто на конспиративную встречу. Его визави – не к ночи помянутый товарищ министра внутренних дел Леопольд Игнатьевич Карварский. И взгляд его опасных глаз Натали ощущала у себя между лопаток всю дорогу до стены, до средних размеров полотна Михаила Шемякина. Посмотрела, не видя, оглянулась через плечо – мужчины, не торопясь прогуливались в центре зала – и снова уперлась взглядом в цветные блики шемякинских видений.

«А полковник-то у нас непростой! Второй день в городе, а уже встречается с Карварским. Может быть, грохнуть обоих и идти на прорыв?»

Шансов уйти отсюда живой у нее, разумеется, не будет, но и случай редкий. За то, чтобы всадить пулю в эту поганую рожу, многие отдали бы все, что имеют. И жизнь – не самая высокая цена. Однако вот что любопытно: мысль – вполне ожидаемая, следует заметить, и своевре-

менная – мысль эта мелькнула, осветив сознание Натали вспышкой метеора, и исчезла, словно не было. И как только «погас свет», сразу же выяснилось, что ни в кого она стрелять не станет. И не потому, что стыдно или слово дала. Став революционеркой, Натали отрелась не только от бога, но и от всей той надстроечной шелухи, что именуется буржуазно-помещичьей моралью. Впрочем, Генрих клятв никаких с нее и не брал. На доверии пригласил идти за собой, с собой, одним словом, вместе. И вот это доверие...

«С этого поводка не сорваться даже мне...»

Получалось, что, начни она теперь палить из «стечкина», разрушит нечто странное, но важное, что возникло между ней и Генрихом в момент покушения на Тюремном мосту. А то, что там, прошлой ночью на Крюковом канале произошло нечто невероятное, Натали уже не сомневалась.

«Как вышло, что я целилась в грудь, а не в голову? С пятнадцати метров его лицо прекрасная мишень!»

Перед глазами на фоне шемякинской сказочно-гротесковой фантазии возникло лицо полковника. Простые черты, непростой рисунок. Глаза. Ум, воля, жесткость, способная перейти в жестокость, и еще что-то, неуловимое, почти эфемерное, но самое важное. Значительность? Пожалуй, что так.

«Но ведь я ничего этого не видела? Он был просто целью. И я выстрелила... Ну, пусть не в лицо, не в лоб, но все-таки выстрелила. Так почему же не стала стрелять во второй раз? И, Господи, прости, что я делаю здесь, в этой сраной галерее, со снаряженным «стечкиным» под мышкой и лучшей в городе мишенью, вальяжно расхаживающей в центре зала, в десяти-пятнадцати метрах от меня?»

Замечательный вопрос, однако ответа на него у Натали не оказалось. Она лишь знала, что, если однажды все-таки убьет Кошмарского, случится это не здесь, не сейчас и не при Генрихе.

* * *

Вечер оказался насыщенным. Прежде всего, Генриха ожидали две запланированные встречи – легальная, то есть такая, которую он готов был показать и Наталье, и «всем остальным», и еще одна – не для посторонних глаз. Однако, чтобы попасть в нужное время в нужное место, пришлось немало поколесить по городу, появившись между делом в трех-четыре совершенно не относящихся к делу местах. И вот в одном из таких мест, в серебряной лавке на Зверинской улице – близ Татарской слободы – случилась еще одна, третья, никоим образом не запланированная встреча, неоднозначная сама по себе и имевшая к тому же весьма неожиданное продолжение.

В шестом часу вечера Генрих и Наталья вошли в серебряную лавку Ройзмана. Несколько посетителей рассматривали выставленные в витринах часы и украшения, столовое серебро, подсвечники и портсигары, но Генриха заинтересовали фляжки, великое разнообразие которых обнаружилось в пирамидальной витрине слева от входа. Там были представлены практически все основные размеры, принятые в мире для подобного рода вещиц, и все основные производители. Впрочем, Генриху достаточно оказалось и одной. Он сразу заметил голландской работы фляжку на одиннадцать с половиной унций, обшитую мягкой коричневой кожей и имеющую удобную крышечку – колпачок на один глоток.

– Покажите, пожалуйста, вон ту фляжку! – попросил он приказчика.

– Сию минуту! Между прочим, весьма удачный выбор, сударь! Весьма! Фирма «Ди Хессе и сыновья», девятьсот шестидесятая проба, вместимость – триста пятьдесят граммов...

– Генрих?!

- Мне сказать, что ты обозналась? – спросил он, увидев перед собой Елизавету. Время всегда возьмет свое, взяло и на этот раз. Уже не девочка, разумеется, но узнать все еще можно.
- Зачем? – грустно улыбнулась Елизавета. – Ты же знаешь, я на тебя доносить не стану.
- Та Елизавета, которую я помню, не стала бы.
- Нынешняя – тем более. Но ты не один, представишь?
- Прошу прощения! Познакомься, Лиза, это Наташа, моя... – Он не успел закончить фразу, его опередила Наталья.
- Подруга, – уточнила она, отметив интонацией подтекст.
- Вот именно! Наталья Викторовна Цельге – моя подруга. – Генрих решил не реагировать на «мелкие безобразия» и продолжал говорить как ни в чем не бывало. – Наташа, разреши представить тебе мою кузину Елизавету Дмитриевну...
- Ростовцева, – улыбнулась Елизавета. – Теперь я Ростовцева.

Глава 3

Танго

Дом Ростовцевых был когда-то загородной усадьбой, таким, собственно, и остался. Крестьянский остров, угол Вязовой и Петроградской. Вокруг скверы да парки, и двухэтажный массивный дом с двумя крыльями в ограде чугунного литья, с просторной подъездной аллеей и собственным парком, небольшим, но устроенным, засаженным в основном вязами, дубами и липами.

– Извините, Генрих, – спросила Натали, останавливая «Кокер» на импровизированной парковке у западного крыла, – вы вполне уверены в том, что делаете? Я к тому, что не совсем понимаю ваши мотивы. То вы в анонима изволите играть, а-ля таинственный незнакомец. То в гости к родственникам едете, в неизвестное вам и знакомое общество. Каково!

– Не понимаете? – Генрих был задумчив, если не сказать хмур. – Вот и славно! Те, кто за мной наблюдают, они ведь тоже ничего не понимают, и это их нервирует.

– А не боитесь осложнений?

– Волков бояться, в лес не ходить.

– Стало быть, лес? – Натали приняла руку Генриха, хотя по-настоящему на нее не опиралась, памятуя о сломанных ребрах полковника.

– Самое подходящее место для тамбовских волков, нет?

– А вы внимательный, даже когда пьяный.

– Вы не поверите, Наташа, но, когда пьяный, я много лучше все понимаю и запоминаю тоже. Таковы особенности моей физиологии.

– А как вы себя чувствуете рядом с женщиной, которая выше вас на целую голову?

Зачем она об этом спросила?

«Вот дура!»

– Вопрос неверный, – усмехнулся в ответ Генрих. – Правильный вопрос: как чувствует себя женщина рядом с мужчиной, который на тридцать лет ее старше?

«Сукин сын!» – Но не устраивать же сцену!

– Комфортно! – ответила она спокойно, почти легкомысленно, но, к своему удивлению, обнаружила, что все не так просто. И даже еще хуже.

– Взаимно.

Они как раз вошли в дом, где, по словам Елизаветы, предполагалась этим вечером скромная вечеринка. Было около девяти, и основная масса гостей уже собралась. Судя по их количеству, вечеринка, и в самом деле, планировалась скромная. Для определенных кругов, разумеется. Для тех самых людей, которые живут в собственных особняках, загородных домах и дворцах, то есть там, где полторы сотни гостей не выглядят забившей все свободное от мебели пространство толпой.

– Добрый вечер, Лиза!

Их никто никому не представлял. И, разумеется, новые времена – новые порядки. Частная вечеринка – по, бог весть, какому поводу – не предполагала присутствия мажордома, выкликающего имена и титулы вновь прибывших. Вошли никем не замеченные, подхватили по бокалу шампанского с подноса лавировавшего среди гостей официанта, прошли между распавшимися на пары и группы хорошо одетыми мужчинами и женщинами и встретили хозяйку дома, спускавшуюся как раз со второго этажа.

– Рада, что пришли! Генрих! Натали! Пойдемте, я познакомлю вас с мужем!

– А стоит ли? – Генрих не отказывался, он сомневался.

– Генрих, моему Ивану интересны только тяжелые аэропланы, биржевые котировки и призовые кобылы, – двусмысленная усмешка не без иронии к самой себе и своим словам. – Ты просто мой родственник. Сомневаюсь, что он помнит в лицо хотя бы одного из них. Ну, кроме, маменьки и дядюшки Николая Никифоровича. Пойдемте!

– Что ж...

– У вас отменный вкус, – шепнула женщина Натали, когда они проходили мимо бильярдной.

– Вы имеете в виду... – но Елизавета не дала ей даже вопроса задать.

– О, да, милая! Вы одеты с большим вкусом, но я не о тряпках. Я о мужчине!

Натали непроизвольно обернулась на отставшего на несколько шагов Генриха, и их взгляды встретились.

«Черт!» – она отвернулась, но только за тем, чтобы увидеть в зеркале свое отражение.

Этот наряд она подобрала почти мгновенно, ухватив взглядом замечательное сочетание цветов, едва войдя в бутик Карлотты Бьяджи на втором этаже галереи Большого пассажа. Просто игра света, гармония цвета и тона, мозаика, сложившаяся в заполненном золотистым сиянием пространстве магазина. Рыжие сапоги из иберийской замши, шерстяная юбка в цветах поздней осени, длинный лайковый жакет в тон сапогам, салатного цвета шелковая блузка, пестрый – очень осенний по впечатлению – жилет с темно-бронзовыми пуговицами, золотой с оранжевым шейный платок и червонного золота с темно-коричневым шитьем головной платок, полностью скрывающий волосы и меняющий почти до неузнаваемости черты лица. И, наконец, очки и шляпа. Образ получился ровно таким, какой пригрезился накануне, когда Генрих рассуждал под водочку о красивых и опасных женщинах.

Что ж, красавицей ее не сделает никакая одежда. Такой уж родилась. Но выглядела она во всем этом давным-давно забытом великолепии на удивление стильно. Сама не ожидала, что так хорошо получится. Однако получилось.

– Иван, разреши представить тебе моего кузена.

– Генрих Шершнев.

«Шершнев? Не Воинов, а Шершнев?!»

– Иван, – полное лицо, рассеянная улыбка, усталые глаза. – Постойте-ка! – встрепнулся, словно ледяной водой окатили, и лицо сразу подобралось, и улыбку стерло «мановением картечи», и в глазах вспыхнул нешуточный интерес. – Шершнев? Я не ослышался? Полковник Шершнев? Это же получается...

– Иван! – Елизавета никак, похоже, не ожидала такой бурной реакции. – Остановись, Иван! Это мой кузен Генрих. А это его подруга Натали! Генрих и Натали!

– И в самом деле! – улыбнулся Генрих, подступая к Ивану. – Что в имени моем⁶? А? Просто кузен, Иван. Седьмая вода на киселе. Иван да Марья, Генрих да Натали...

– Генрих и Натали, – прищурился подобранный, как для драки, Иван. – И в самом деле! Извините, господа! Затмение нашло. Пригрезилось что-то про гвардейские мундиры, аксельбанты, ордена... Рад знакомству, Генрих. Спасибо, что зашли, сударыня!

Но в глазах Ивана Ростовцева выражение холодной опаски боролось с чувством жгучего интереса.

«Темная история, – решила Натали, наблюдая эту сцену как бы со стороны. – Что-то у них было, у всех троих, там – в неведомом прошлом. Что-то непростое, кажется. Способное потряхнуть воспоминанием, как ударом тока и по прошествии времени».

– Очень приятно! – она позволила Ивану поцеловать кончики своих пальцев и, благожелательно улыбнувшись, увела Генриха гулять.

⁶ Перифраз строки А. С. Пушкина «Что в имени тебе моем...».

– Спасибо! – буркнул он через минуту, когда они уже в достаточной мере удалились от хозяев дома. – Ваше вмешательство, Наталья, оказалось как нельзя к месту.

– Что, не ожидали такого накала страстей?

– Да, пожалуй...

– О подробностях не спрашиваю, – усмехнулась Натали, заметив тень смущения на уверенном в обычное время лице. – Девушка, видать, была несовершеннолетняя, я права?

– Мы были молоды, – дипломатично ответил Генрих, успевший за мгновение до того снова надеть личину непоколебимого спокойствия.

– Тем не менее, Иван и Елизавета были обручены... – тут и угадывать нечего, обычное дело в этой среде.

– Дело давнее, – брошено едва ли не равнодушно, но Натали видела, продолжение разговора Генриху неприятно.

«Ладно, живите, полковник Шершнев! Или и не полковник вовсе? Но тогда, кто?»

И тут Натали увидела Ольгу и даже расстроилась. Слишком много совпадений, не жизнь, а сплошные случайные встречи. И как такое получается?! Годами не встречаешь не то что знакомых, каких-нибудь случайных попутчиков или «первых встречных». И это отнюдь не удивительно. Иди найди в пятимиллионном городе родственника или приятеля, если не знаешь, где искать. Но бывает и по-другому. Вдруг, без какой-либо особой причины начинаешь встречать всех подряд. Сначала вот Генрих – не поймешь, к добру или к худу – встретил эту свою невнятную родственницу, теперь – очередь Натали.

Ольга смотрела на нее, удивленно вздернув светлые брови, отчего ее чудные васильковые глазки казались большими и круглыми, словно блюдца. Бедная глупая блондинка. Несчастливая кукла Ляша, как звали ее подруги в гимназии.

– Извините, Генрих! – вздохнула она. – Теперь моя очередь. Не тревожьтесь, всего лишь гимназическая подруга.

– Здравствуй, Оля! – шагнула навстречу, едва не раскинув руки для объятия, но все-таки лишь обозначила движение, не более. – Сколько лет, сколько зим! Это Генрих! Он мой... Ну, ты понимаешь! – улыбка, смешок и удовлетворенная мысль, что очки скрывают выражение глаз. – Генрих, это Ольга. Мы учились в одном классе.

– Очень приятно, Шершнев!

– Ольга Берг.

– Берг? – переспросил Генрих. – Федор Берг вам не родственник случайно? Как же его по батюшке? Александрович?

– Да, да! – заторопилась вдруг Ольга, вполне, по-видимому, пришедшая в себя после неожиданной встречи. – Да, конечно! Вы знаете моего папеньку?

«Вот ведь, Господи, прости! Девке двадцать три года. Вдова уже, а все ведет себя, как дебютантка на выданье!»

– Федора Александровича Берга? – Генрих снова стал задумчив. – Знал когда-то. Барон все еще служит или вышел в отставку?

– Папенька генерал, он в Белой Веже, служит... А мы разве не знакомы, Генрих?

– Я бы запомнил, – усмехнулся полковник.

– Да, нет же! – Ольга умела быть настырной, как банный лист. О таком ее упорстве, достойном лучшего применения, сложно было догадаться, глядя на это эфемерное создание. – Я точно-точно знаю! Только не помню, откуда. Но ваше лицо мне знакомо.

– Может быть, на одной из фотографий вашего батюшки? – предположил явно не слишком довольный поворотом разговора Генрих. – Не уверен... Даже, скорее, напротив, уверен, что вряд ли. Однако чем черт не шутит!

– Нет, нет! – заспешила Ольга. – Не то, не то! Но да, конечно! Изображение! Я же говорила, что видела вас раньше! Вы на портрете!

«На каком еще портрете?!»

– На портрете? – поднял бровь Генрих. – То есть, вы утверждаете, что видели мой портрет?

– Ну, да, конечно! – разулыбалась в ответ Ольга. – Портрет маслом. Вы там в статском. Фрак, манишка, галстук бабочкой, и в руке трость с костяным набалдашником! – Ольга была счастлива, она вспомнила.

«Вот как? С набалдашником?»

– Где вы его видели?

«Значит, такой портрет действительно существует!»

– У маменьки! Он у нее в гардеробной хранится. За платьями...

– Как зовут вашу мать?

Что сказать, Натали была заинтригована. Она тоже хотела знать, как зовут мать Ольги, поскольку напрочь этого не помнила. Однако в тот самый момент, как Генрих задал этот свой животрепещущий вопрос, Натали уловила краем глаза движение, выбивающееся из общего ритма вечеринки, и ей сразу стало не до глупостей.

Плавный разворот на три четверти, естественный, как дыхание или танец, и ни разу не привлекающий к себе внимание. Быстрый взгляд, выхватывающий из броуновского движения «праздно шатающихся» гостей двух мужчин, целенаправленно движущихся с двух сторон к Генриху и к ней. Мгновенная оценка ситуации – очень много слепых пятен – и степени опасности. Но тут и оценивать, собственно, нечего: оба уже обнажили оружие, но до времени держали пистолеты опущенными вдоль тела, оттого их никто и не замечал. Никто, не считая Натали, ее правая рука уже выдергивала из-под жакета «стечкин», а левая – летела вверх, чтобы лечь на затвор.

Раз! Натали повернула тело, выставив левую ногу чуть в сторону. Два! Подалась вперед, создавая прочную базу для стрельбы. Три! Сдвоенный выстрел. Так, так! Очередь. Так, так, так! Разворот вправо. Выстрел, выстрел, выстрел! Одиночными, но в высоком темпе, как учил ее Селиверстов. Так, так! Выстрел, выстрел...

Первый из мужчин дергается на ходу, его разворачивает назад от мощного удара в плечо, а вторая пуля бьет в грудь, разрывая галстук и манишку. Очередь в того, что слева, но он уходит с линии огня и вскидывает руку со стволом. Быстро, очень быстро, но все-таки медленно. Натали успевает первой. Выстрел, выстрел. Две пули, – одна за другой, как на стрельбище, – бьют в десятку, в переносицу и в лоб, а «стечкин» уже летит вместе с телом вправо... а там... Там все уже кончено. Незнакомый высокий парень, которого вроде бы и не было здесь еще мгновение назад, застрелил третьего боевика, и Натали доворачивает еще чуть-чуть вправо, чтобы перекрыть последний оставшийся незащищенный сектор.

«Поздно...»

Ствол смотрит ей прямо в глаза. Один жалкий удар сердца, и не успевающая за событиями рука со «стечкиным»...

Выстрел прозвучал над самым ухом, вломив в висок с такой силой, что ее качнуло в сторону. Но зато никто уже не целился в лоб. Пуля попала боевику прямо между глаз.

«Хороший выстрел!» – Она оглянулась и встретила понимающий взгляд Генриха, ствол скинутого в правой руке «вальтера Эйч Пи» еще дымился.

– Все! Все! – остановил он Натали, когда та попробовала отвернуться. – Все кончено. Их было четверо. Больше нет...

* * *

Стрельба утихла, началась истерика. Была б его воля, Генрих ушел, не задумываясь. Но приходилось думать о многом сразу, и он остался. Сидел в уголке на кожаном диване вместе с

Натальей, курил, пил водку прямо из горлышка и наблюдал за охватившим дом Ростовцевых безумием. Генрих молчал, что тут скажешь? Молчала и Наталья. Сидела, чуть отодвинувшись – насколько позволял диванчик – сохраняла дистанцию, но была настолько рядом, насколько это вообще возможно в данной ситуации. Во всяком случае, Генрих не только вдыхал запах ее духов и пота, но ощущал, кажется, даже тепло ее тела, что было странно, если учесть, сколько на них было надето разной одежды.

– Вы очень хорошо стреляете, Наташа, – сказал он, наконец, передавая ей бутылку.

– Да, и вы не промах! – выдохнула папирозный дым женщина. – Честно говоря, я едва не описалась. Оборачиваюсь, а он, сука, мне в лоб целится. С семи метров – верная смерть.

– Да, уж! – он посмотрел, как она пьет, и перевел взгляд на полицейских, собиравших показания. – Интересно, они хоть понимают, что тут произошло?

– Это вряд ли!

И в самом деле. Факты, как они открылись всем присутствующим уже через несколько минут после инцидента, были просты и очевидны. Четверо нападавших. Молодые мужчины без документов и других идентифицирующих предметов. Вооружены пистолетами и револьверами. Стреляли. Целились в Генриха и, возможно, но не обязательно, в Наталью. Все убиты Натальей и Генрихом в целях самообороны из зарегистрированного оружия, на ношение которого имеются разрешения, выданные Спецотделом МВД. Вроде бы – так показывают некоторые очевидцы – участвовал в инциденте еще один стрелок, защищавший, как кажется, Генриха, но про этого высокого молодого господина ничего более известно не было. Последнее, что выяснилось во время опроса свидетелей, это то, что нападавшие приехали к дому Ростовцевых на двух машинах, но автомобилей этих к моменту прибытия полиции и след простыл.

– Вы свободны, госпожа Цельге, – поклонился молодой жандармский офицер. – И вы тоже, господин Воинов. Если у нас возникнут вопросы, мы с вами обязательно свяжемся.

– Будем рады помочь следствию! – Генрих встал, вздохнул коротко, переживая волну боли, прокатившейся через грудь, подал руку Наталье. – Пойдемте, Наталья Викторовна. Ночь на дворе, а мы с раннего утра на ногах.

Наталья руку приняла и молча последовала за ним. Короткое и яростное боестолкновение истерики у нее не вызвало, но ввергло в некое подобие философского настроения. Мрачного русского фатализма, если говорить правду. Но и то верно, что, памятуя о событиях на Тюремном мосту, Генрих от нее такой прыти не ожидал. Впрочем, факты упрямая вещь: Наталья действовала на равных с Конрадом, если не лучше.

«Пожалуй, что и лучше! А ведь Конрад...»

Конрад – действующий оперативник контрразведки. Вот и думай теперь, кто же она такая, Наталья Викторовна Цельге, и отчего не добила его позавчера вечером на мосту. Одно ясно, сегодня она его, похоже, уберегла от пули во второй раз. Он ее, правда, тоже.

Между тем, вот он – двор, машина, выезд на улицу.

– Езжайте по Петроградской на Большую Зелейнину, затем налево на Барочную и сразу направо на Петрозаводскую, налево на Лодейнопольскую и снова направо на Пудожскую. Запомнили?

– Не ошибусь!

– Тогда вперед!

И они поехали. Маршрут Генрих проложил по памяти, предполагая, что Людвиг его маневр поймет и подключится так быстро, как только сможет. Игра в «левый поворот, правый поворот» известна с тех пор, как автомобилей стало больше двух. Так он думал и не ошибся. На Пудожской было пустынно – три часа ночи все-таки, и машину, мигнувшую габаритными огнями справа у тротуара, Генрих заметил сразу.

– Притормозите, когда будем проезжать! – попросил он, не вдаваясь в объяснения, но Наталья ничего и не спрашивала. Поравнялась с тяжелым крестьянским «Кочем», притормозила, и Генрих увидел за баранкой Людвига.

– Паркуйтесь, где получится. Это за нами!

– Как прикажете! – пожалала она плечами.

Притерла «Кокер» к тротуару, заглушила мотор.

– Идемте!

– Ведите, сударь! – в голосе ирония, но не спорит и вопросов не задает.

«И то хорошо!»

Вышли из «Кокера», перешли в «Коч», закурили, пока Людвиг выруливал через улицы и переулки Петроградской стороны к Большому проспекту.

– Вроде бы чисто, – машина вывернула на проспект и понеслась к Васильевскому острову.

– Куда мы едем? – поинтересовалась молчавшая до сих пор Наталья.

– На прежнюю квартиру вам возвращаться не резон.

– Понятно.

– У Натальи Викторовны в Тарасовом проезде вещи остались, – Генрих достал из кармана фляжку и стал отвинчивать колпачок. – Кофр и наплечная сумка. Будете? – протянул он Наталье флягу.

– Давайте!

– Ваши вещи забирает с квартиры один мой коллега, – объяснил Людвиг. – Вернее, забрал, когда вы еще у Ростовцевых с жандармами общались. Я тогда сразу понял, что вам не стоит возвращаться в Тарасов проезд. Утром жандармские дознаватели сопоставят данные и сразу же сообразят, что это уже второй случай за два дня с одними и теми же участниками.

– Ну да, бывает! – коротко и сухо-иронично бросил Генрих, забирая у Натальи значительно полегчавшую фляжку.

– Ну, если бы у вас были настоящие бумаги, можно было бы и не волноваться, – продолжал между тем Людвиг. – Но у вас, Генрих, уж извините, липа хоть и качественная, но все-таки липа. Для того чтобы выяснить, что никакого Генриха Воинова в королевстве Вюртемберг сроду не бывало, много времени не потребуется. А у вас, госпожа Цельге, документы и вовсе стремные. В городе нет ни одной Натальи Цельге. Тут уж, как говорится, только в адресное бюро заглянешь, как вся правда и откроется.

– А если я из Новгорода или Новогрудка?

– Ну, да! – кивнул Генрих. – Империя большая, и городов в ней пруд пруди. И это еще, не считая деревень.

– Проехали! – повела плечом Наталья. – Так мы на другую квартиру перебираемся?

– Угол Малого проспекта и Пятнадцатой линии. Дом старый, но квартира хорошая. Лифт, кухня, то да се.

– Звучит соблазнительно, – усмехнулась Наталья.

– Людвиг плохого не предложит, – вздохнул Генрих. – Мне лишь бы где жить по чину не полагается, так что не бойтесь, Наталья Викторовна, будет вам, где душ принять и голову приклонить.

* * *

Квартира на Васильевском острове оказалась огромной. Семь больших комнат, длинный коридор и еще один – покороче, кухня, две уборные и две ванн комнаты, не считая кладовок, стальных шкафов и встроенной гардеробной. И все это, как ни странно, обжитое. Посуда, мебель, постельное белье, полотенца и бутылка коньяка на тумбе трюмо. Не забыли и про ее вещи. Людвиг не соврал, их забрали из квартиры в Тарасовом проезде и аккуратно разложили

в ящиках комода. Не сказать, чтобы ей нравилось, когда трогают ее белье, но, с другой стороны, имелось некое извращенное очарование в том, как дотошно выполняли люди Генриха его распоряжения.

«Весьма профессиональная команда, – отметила она, открывая шкаф. – Предусмотрительные и хорошо обученные люди».

Ее платья, юбки, брюки и жакеты были развешаны на плечиках и в зажимах. Все. И самым тщательным образом.

– Наталья! – позвал из коридора Генрих. – Вы есть будете или сразу на боковую?

– Еще не решила! – ответила она и вдруг поняла, что, и в самом деле, еще не решила.

Вот только думала она сейчас отнюдь не о еде. И не о сне. – Выпьете со мной?

– С удовольствием! – дверь отворилась, и он вошел.

– Без стука...

– Это что-то меняет?

– Я могла оказаться не одетой...

– На самом деле, я на это и рассчитывал.

– Разочарованы? – она стояла перед ним, смотрела в глаза, а руки сами собой расстегивали пуговицы и молнии.

– Напротив, полон предвкушения, – он подошел ближе. – Вам помочь?

– А как же ваши ребра? – дыхание сбилось, словно пробежала версту, и все по оврагам да буеракам.

– Мои ребра? – его руки оказались сильными и теплыми, почти горячими. Впрочем, чего-то в этом роде она и ожидала. – Да, бог с вами, Наташа! Разве же могу я думать о ребрах...

Еще мгновение или два Генрих балансировал на самом краю, а потом его «смыло волной», как говорил один петроградский поэт. И тут выяснилось, что она совсем не знала этого человека, потому что не ожидала от него ни такой силы, ни такого натиска. На мгновение ей показалось, что он хочет ее убить. Изломать, сокрушить, свернуть шею, чтобы услышать хруст ее позвонков. Но потом она поняла, что это не убийство, а нечто совсем-совсем другое, но додумать мысль до конца не смогла. Ее захватил ураган такой мощи, о какой она даже не мечтала, не подозревая, что так может быть. Страсть Генриха была сродни ярости и гневу, ненависти и безумию.

«Так не любят. Так убивают, но... Не останавливайся! Нет!»

И все. Остались только она и он. Все остальное смело кровавой волной, жаркой, терпкой, невыносимо сладостной, когда боль дарит наслаждение, и желание не горит, а полыхает, обращая в пепел все прочие чувства. Ненасытное и неистощимое, как жизнь и смерть...

* * *

«Вот уж, воистину! Седина в бороду, бес в ребро!» – Генрих лежал на спине и старался не шевелиться. Болела грудь, ныло, словно в предвкушении дождя, правое плечо, болезненные спазмы коротко прокатывались по бедрам и икрам. Ничего выдающегося, но и на нирвану не похоже. И, тем не менее, он был счастлив. Опустошен, выпотрошен, выжат, как лимон, и одновременно полон света, счастья и ожидания, чего не случилось с ним так давно, что он успел забыть, как это бывает и на что похоже. А еще – где-то на краю сознания, за болью и удовольствием – пряталось, как если бы стыдилось самого себя, чувство удивления. На самом деле Генрих был не просто удивлен. Он был изумлен, ошеломлен, обескуражен. Ему все еще не верилось, что случившееся с ним не сон, не пьяный бред, а правда, какая она есть. И дело было не в Наталье, хотя и в ней тоже, наверное, а в силе чувства, что испытал Генрих, едва его руки коснулись ее тела. Такой страсти он от себя, признаться, не ожидал. И более того, безумное вожеление, вспыхнувшее в нем, – как пожар или мятеж – охватившее его, захва-

тившее, словно поток, испугало Генриха. Его жажда была лютой как боевое безумие. Страсть походила на ярость, желание – на гнев. Оставалось надеяться, что Наталья, которую и саму, как ни странно, «накрыло с головой», не вспомнит утром некоторых наиболее впечатляющих подробностей их ночной «битвы». Во всяком случае, вспоминая теперь, как и что он делал с ее телом, Генрих испытывал не столько гордость, сколько оторопь, и опасался, что женщина ему этого не простит. И вот это – последнее – было, пожалуй, самым странным в мешанине переживаемых им чувств. Генрих не мог понять, отчего так дорожит мнением Натальи. Вернее, не хотел этого знать.

– Шершневу...

Он повернул голову. Наталья смотрела на него, подняв глаза над краем шелковой простыни.

– Генрих Шершневу... – ее дыхание колебало тонкий шелк цвета слоновой кости.

– Я... – он колебался. Что можно сказать в подобной ситуации? Что должно говорить?

– Шершень, с ударением на второе «е».

– Так точно! – он не отвел глаза. Смотрел в бездонную синь и пытался поймать нить беседы.

– По-немецки шершень – Хорниссе, с ударением на «и», переходящим на последнее «е».

– Все-таки университет, – кивнул Генрих.

– Романо-германская филология.

– От твоего голоса...

– Что, в самом деле? – это была первая улыбка Натальи на его памяти.

– В самом деле.

– Ты меня удивил, полковник Хорн.

– По-хорошему или по-плохому?

– Об этом я сейчас и думала. Решала, обидеться или наоборот.

– Что решила?

– Решила, что если повторишь такое еще раз, я или прибью тебя на месте, или буду целовать руки.

– Странный выбор... Не могли бы мы остановиться где-нибудь посередине?

– Нет, Генрих, – она отпустила простыню, и он увидел ее припухшие губы. – Это не для нас, не так ли?

– Пожалуй, так. Наташа – твое настоящее имя?

– Почти.

– Значит?

– Натали, но, если хочешь, называй меня Татой.

– Тата... – повторил он за ней. – Мне нравится.

– Я... Я думала, мне это приснилось. – Она взяла его руку и повернула перед глазами, совершенно не стесняясь того, что окончательно сползшая вниз простыня открыла Генриху ее наготу. – Как же тебя...

Что ж, что есть, то есть – шрамы покрывали все его тело. Жизнь на войне и вообще-то не сахар, а уж долгая жизнь... Удивительно другое. Как он умудрился выжить и сохранить лицо? В прямом и переносном смысле. Вот это действительно вопрос.

– Девятый час, – констатировал он с сожалением. – День, почитай, уж три часа как начался, а мы все еще в постели.

– С кем мы встречаемся сегодня? – она соскользнула с кровати, ловкая, стройная, но отнюдь не худая.

«Женщина, как женщина. Молодая, вот в чем, наверное, дело. А я старый...»

– Желających много, – он тоже встал. Получилось не так естественно, да и внешностью гордиться не приходилось. Желания красоваться «в чем мать родила» Генрих не испытывал, скорее, наоборот. – Но кое с кем встретиться просто необходимо.

– Возьмешь с собой? – Она одевалась без спешки, методично отыскивая детали своего туалета, разбросанные по всей комнате, и заменяя – по ходу дела – то или это на вещи из шкафа.

– Всенепременно. А скажи, Тата, ты разве не собиралась увидеться со своей подругой? Как же ее? Ольга Берг, кажется, или я что-то путаю?

– Не путаешь, – повернула голову, посмотрела из-за плеча. Внимательный взгляд, тонкая кость обнаженного плеча. – Она Станиславская по мужу, – слова медленные, с подтекстом, как капли, падающие в воду с большой высоты. – Дмитрий был военным. Служил в охотничьем полку. Поручик – парашютист...

– Кабул? – спросил Генрих, прикидывая, где мог служить офицер-разведчик, погибший, судя по подтексту, в недавнее относительно время.

– Восточный Туркестан.

– Вот как, значит, Сянцзан, – кивнул Генрих. – Восстание уйгуров...

– Там, – подтвердила Наталья, отворачиваясь.

– Не хочешь с ней повидаться?

– А ты?

– И я бы не отказался. Разговор у нас вчера занятный получился, но, как ты помнишь, завершить его мы не успели.

«Берг... – вспомнил он. Кто бы мог подумать! Но портрет Серебряковой, вот главная интрига! Как же зовут ее мать?»

– Что ж, – пожал плечами, – девятый час, говоришь? Давай позавтракаем, и я ей позвоню. Здесь есть телефон?

– Обязательно есть. Как же в наше время и без телефона?

– Я могу им воспользоваться?

– Ни в чем себе не отказывай! – он прошел на кухню и стал варить кофе. Ему было любопытно, кому сейчас звонит Наталья, но не настолько, чтобы подслушивать. В конце концов, об этом и о многом другом ему чуть позже доложит Людвиг. А пока...

«Кофе и бутерброд с ветчиной! Могу я позволить себе съесть наконец что-нибудь человеческое?»

Под «человеческим», как и всегда, понималась простая сытная пища. Не то чтобы Генрих не понимал гурманов. Понимал. И под настроение мог составить им вполне компетентную компанию. И все-таки, если речь заходила о еде, которая ему по-настоящему не надоедала, то это совсем о другом. Отварной картофель, печеная кукуруза, тушенная с перцем и томатами фасоль. Макароны по-флотски, гороховый суп на копченых свиных ребрах, холодец...

* * *

Все-таки, хочешь или нет, но положение обязывает, и по счетам попробуй не заплати. Натали прошлась по квартире, нашла телефонный аппарат, закурила папироску и начала накручивать диск. Первым делом – а начинать всегда следует с самого паскудного – набрала номер телефона конспиративной квартиры Годуна. Юрий Львович Павловский, известный в леворадикальном подполье под псевдо Годун, жил, практически не скрываясь. Он являлся – и не по легенде, а на самом деле – успешным и состоятельным частным поверенным, вполне официально вел в императорских уголовных судах дела анархистов, коммунистов и социалистов, со всеми был знаком и встречался открыто даже с теми из «этих всех», кто находился на нелегальном положении. Такое сложное существование между двумя отрицающими друг друга мирами позволяло, среди прочего, эффективно маскировать активное участие в работе боевой

группы. Но вот уже об этом знали совсем немногие, и Натали – как раз по случаю – была одной тех, кто знал это наверняка. Павловский являлся ее непосредственным командиром, насколько это вообще возможно в анархистской среде. Ну, а на конспиративной квартире – во всяком случае, той, о которой знала Натали – Годун содержал любовницу, что было, ужас, как практично. Во всех смыслах, если быть искренним. Ну, а в случае провала всегда можно покаяться в меньшем грехе. Перед женой, вот в чем соль, а не перед жандармскими дознавателями.

Итак, она позвонила Годуну и сухо – то есть без эмоций – доложила, что операцию пришлось отменить, так как «буквально в последний момент» стало известно, что «мы ошиблись» и это не Кейн.

Павловский не удивился и не осерчал. Похоже, он знал в подробностях, как именно она «отменяла операцию». Выслушал, хмыкнул в трубку, сказал, молодец, конечно, но – напомнил отеческим тоном – дисциплину никто не отменял. И далее в том же роде, типа, если вышел приказ «стрелять», то сначала выстрели, а потом уже уточняй.

– Ну, да! – сказал он почти весело. – Не Генрих Кейн, а Генрих Шершнеф. Не Мясник, а Шершень. Оба полковники. Оба наемники. В чем разница?

– Наверное, в том, – осторожно возразила Натали, – что, когда Кейн рвался к Саламанке, защищал ее Шершнеф.

– Ну, это философский вопрос, кто, зачем и от кого защищал Саламанку, да и не телефонный разговор. Увидимся, поговорим!

– Хорошо, – согласилась Натали, но не задала вполне ожидаемый вопрос на тему, где и когда. – Увидимся.

«Будет интересно... но только одному из нас».

Следующей в ее списке значилась Альта.

– Это я, – сказала Натали.

– А это я, – ответила, словно бы потягиваясь, Альта, – белолица, весновата и черемна. Не хочешь упасть в мои объятия?

– Не хочу.

– А жаль! – вздохнула на другом конце провода Альта. – Тогда переходим к фигурам вежливости. Чем могу быть полезна?

– Мне нужен номер телефона Ольги Станиславской.

– Вот оно как! А ты знаешь, где служит Оленька Берг?

Альта к делам боевки отношения не имела. Она писала стихи, играла на флейте, рискуя сесть за совращение несовершеннолетних, клеила сопливых девчонок – едва ли не гимназисток младших классов – и устраивала всевозможные «перформансы», заканчивающиеся традиционным скандалом и мордобоем. Однако, как и положено «фурии авангарда», Лера Михеева придерживалась левых взглядов и гордилась своей «прикосновенностью» к делам подполья.

– И где же служит Оля Станиславская?

– Оля служит в контрразведке флота, – драматическим шепотом и наверняка не без закатывания глаз ответила Альта.

– Ужас какой! – подыграла, было, Наталья, но тут выяснилось, что после разговора с Годуном настроения дурачиться у нее нет и в помине. – Лера, она же филолог, как и я. Наверняка работает делопроизводителем. Жить-то ей на что?

– Ну, не знаю, – возразила Альта. – Берги, вообще-то, богатые.

– Берги богатые, – согласилась Натали, – но мы с тобой, девушка, всех Олиных обстоятельств не знаем. Телефон дашь?

– Дам, дам! – хохотнула в ответ Лера. – И вам дам, и вам. А вам – нет!

Но телефон все-таки продиктовала и ушла «играть на флейте» заумь Пендерецкого.

Повесив трубку, Натали задумалась, было, над тем, а не поменять ли ей планы, однако искушению не поддавалась и Ольге звонить не стала. Позвонила Свирскому. Но это был короткий, чисто деловой разговор.

– Олег Борисович, – попросила она, – сделайте одолжение: мне срочно нужна информация на одного человека! Нет, – ответила она на вполне ожидаемые возражения. – Он не из этих. Генрих Шершнеф, – назвала имя. – Полковник Хорн. Но меня интересует не его карьера наемника, а молодость, служба в Первом шляхетском, семья... И как, вообще, он заделался кондотьером?

* * *

Второй «рабочий» день в Петрограде начался со встречи с начальником штаба Отдельного корпуса жандармов Генерального штаба генерал-майором Бекмуратовым. Впрочем, по такому случаю Айдар Расимович облачился в партикулярное платье, носить которое, как выяснилось, умел не хуже формы. Одним словом, не сапог, и вел себя соответственно.

– Рад знакомству! – он энергично, но без ажитации пожал Генриху руку, вежливо кивнул Наталье и жестом указал на столик в углу ресторанный зала. – Прошу вас!

Ни одного лишнего слова, но Генрих заметил, столик накрыт на троих. Следовательно, Бекмуратов решил говорить при свидетеле.

«Любопытный поворот, – отметил Генрих, предлагая Наташе руку. – Посмотрим!»

– Должен отметить, вам удалось меня удивить! – начал генерал, едва они расселись вокруг стола. Больше в зале никого не было, даже охраны. А ресторан, судя по всему, еще даже не открывался.

«Простенько, но со вкусом. И вполне в духе нашей родной жандармерии».

– Имеете в виду вчерашний инцидент?

– И его тоже! К слову, примите мое искреннее восхищение, мадемуазель, стреляете вы безупречно. Да, и вообще... – Бекмуратов улыбнулся и изобразил рукой нечто замысловатое, словно бы вязью арабской расписался в воздухе. Однако Генриха заинтересовало не это, а та интонация, с которой генерал произнес слово «мадемуазель».

– Спасибо, генерал! – Наталья снова надела маску сумрачной жестокости. Холодное, оставляющее неприятное чувство лицо, взгляд, не выражающий ровным счетом никаких эмоций. – Ведь вы, господин Бекмуратов, не так ли?

Друг другу они представлены не были – одно из условий игры, но у Генриха возникла сейчас стойкая уверенность, что не только Наталья знает, кто таков их визави, но и Айдар Расимович знает о Тате кое-что из того, отчего не отказался бы и сам Генрих. Оставалось держать лицо. Пусть оба думают, что он умнее, чем есть.

– Так точно, Наталья Викторовна! Честь имею, Генерального штаба генерал-майор князь Бекмуратов!

– Рада знакомству! – хриплый неторопливый выдох, то ли ветер ставней скрипит, то ли повешенный на веревке раскачивается.

«Ну, просто Комиссаржевская, ей-богу! – мысленно покачал головой Генрих. – Но что если это не актерство?»

– Знаете анекдот про Петра Константиновича и королеву Голландии? – неожиданно спросил Бекмуратов и потянулся к графинчику. – Позвольте? Арманьяк Шабо... Четверть века в строю...

– Наливайте, – согласился Генрих. – Наташа, ты будешь?

– Да, спасибо.

– Так вот, – разливая арманьяк, начал рассказывать Бекмуратов. – Приезжает как-то к нашему императору в гости тетка. То есть правящая монархиня королевства Нидерланды Беат-

рикс. Ну, как водится, приемы, балы, верховые прогулки. Охота в Пуще, балет в Ковно. И вот как-то предлагает Петр Константинович тетушке Беатрикс проехаться на его новом автомобиле. Вы, верно, читали в газетах об этом чуде технического прогресса? Говорят, инженеры господина Захарченко создали для императора нечто невероятное. Лучше роллс-ройса, ей-богу! Ваше здоровье!

Генрих предпочел промолчать. Выпил, молча, слушал с рассеянным интересом. Слушала ли генерала Наташа, сказать было сложно, но выпила она вместе с остальными.

– Так вот-с, император наш, надо отдать ему должное, известный спортсмен. И автомобиль водит виртуозно, а главное – любит это дело, даже больше, чем... Ну, вы понимаете, – усмешка в седые усы. – Вот он, стало быть, за руль и сел. Выехали из замка, едут по Новгородку. И с ветерком, как вы понимаете. А в это время выходят из корчмы два литвина, стоят, покачиваясь, закуривают. И вдруг мимо них проносится со свистом огромный черный автомобиль. «Это кто?» – оторопело спрашивает один. «Кто не знаю, – с ужасом отвечает другой, – но машиной у него сам государь-император!»

– Можно смеяться? – Наталья взяла со стола серебряный портсигар Бекмуратова, щелкнула, открывая, вынула папиросу и выжидающе посмотрела на Генриха.

– Вот и мне, представьте, стало не до смеху, – генерал говорил ровным голосом, смотрел на Генриха, прямо ему в глаза. – Разбудили в час ночи, докладывают. Так, мол, и так. Вечеру на приеме в доме Ростовцевых появился сам... ну, скажем... полковник Шершнеф, а телохранителем у него баронесса Наталья Викторовна Цеге фон Мантейфель...

– Смешно, – кивнул Генрих и, чиркнув спичкой, поднес огонек к папиросе Наташи. – Кто смеялся больше, вы или Варламов?

– Больше всех смеялся один профессор консерватории...

– Вот как! – похоже, планы менялись на ходу, но Генриху такой поворот событий нравился куда больше всех прежних затей.

– Он умеет смеяться заразительно, – мягко добавил Бекмуратов.

– Заразились?

– Да, пожалуй.

– А Варламов об этом знает? – уточнил Генрих.

– Нет, и думаю, пусть пока остается в неведении. Как считаете?

– Вы нуждаетесь в моем благословении?

– Вообще-то, нет, но не в этом конкретном случае. Варламов представляет в Петрограде Лаговского. Он, собственно говоря, вас сюда пригласил, Генрих Романович, он с вами и переговоры ведет. Опосредованно пока, на дистанции, так сказать. Через Карварского и меня, но потенциальный ваш наниматель все-таки он, а не я или Леопольд Игнатъевич.

– Так-то оно так, – согласился Генрих, закуривая, – но у нас только что произошла смена караула, ведь так?

– Не совсем так, – возразил Бекмуратов.

– А как?

– Давайте сделаем по-другому, – Бекмуратов вернул себе портсигар и щелкнул крышкой. – Организуем вам встречу с профессором, поговорите, обсудите варианты, подумайте, а завтра встретимся снова и обговорим детали, если будет, что обговаривать. Как вам такой план?

– Что случится, если Карварский или Варламов спросят меня об этом деле напрямик?

– Откуда им знать? – прищурился Бекмуратов и поводит перед лицом ладонью, рассеивая табачный дым.

– По-разному бывает, – Генрих стряхнул пепел и снова затянулся. – Допустим, узнали. Что тогда?

– Зависит, – усмехнулся в усы Бекмуратов. – Если сегодня, то скажете все, как есть. А завтра, может быть, и не захотите их ни в чем просвещать.

– Тогда у меня есть к вам только три вопроса.

– Постараюсь ответить.

– Первое, кто это был?

– Честно, не знаю, – вздохнул генерал. – Желающих больше трех, но кто это был конкретно, пока не знаю. Ищем.

– Ладно, – кивнул Генрих. – Тогда, второй вопрос. У вас только Корпус или есть и другие «доводы»?

– Есть, и крайне серьезные, – лицо Бекмуратова стало жестким, он больше не улыбался. – Помните, как говорили в старое время, и среди чижигов, и среди петушков. Но пока, разумеется, без подробностей. Поговорите с профессором, возможно, он вам скажет. Но я не он.

– Принято. Третий вопрос. А оно мне надо?

– Надо, – твердо ответил Бекмуратов.

– Всех денег не заработаешь.

– Верно. Но Лаговский нанимает полковника Шершнева, обещая закрыть глаза на некоторые странности вашей биографии, Генрих Романович, а профессор желает говорить с вами на равных. Ему понравился ваш выбор телохранителя, себе же он хочет кого-нибудь вроде вас и не за деньги, а за честь.

– Но что мы будем делать со «странностями»?

– Забудем.

– Совсем? – прищурился Генрих.

– Напрочь! – легонько хлопнул ладонью о стол Бекмуратов и посмотрел на Наталью. – Вас это тоже касается, мадемуазель! Так что держитесь Генриха Романовича, и будет вам счастье!

Глава 4

Сарабанда, или танец соблазнения

– Мне показалось, или ты действительно не удивлен?

Он смотрел на нее без усмешки, но словно бы с укоризной.

– Не удивлен. – Слова произносил осторожно, как будто боялся испугать ее или обидеть. – Знал, догадывался, какая разница? Цеге фон Мантейфель? Нет, конечно! И откуда бы? Но все сходится. Тебе знакомы речевки и девизы Первого шляхетского, значит, училась в женской гимназии Вагнера. Что из этого следует, знаешь? Из хорошей семьи. Скорее всего, дворянка из балтийских или новгородских немцев. Возможно, ингерманландка или датчанка... Но почти наверняка из протестантов. Гимназия, университет... ФАР и «Набат»... Внешность опять же. Так что, не из крестьян и очень сомнительно, что из работниц. Ну, и пальцы... Рояль с четырех лет?

– С трех, – сердце трепыхалось, как пойманное животное. Хорошо, что он этого не мог видеть. Или мог?

– С трех... – согласился с мягкой необидной иронией. – И из лука стреляла?

– Да.

– Диана-воительница... Клуб «Амазонки»?

– «Валькирии».

– Значит, с амазонками дрались на стрельбах в Кавголово?

– В Стрельне... после соревнований...

– Традиция, – кивнул он. – Я видел пару раз, как дерутся девчонки. Страшное дело! Хуже мальчишек, ей-богу!

– О чем говорил Бекмуратов? Не скажешь? Тайна?

– Тайна? Нет, пожалуй! – Как ни странно, Генрих был серьезен, но нечто вроде улыбки блуждало по его губам. – Секрет. Так, наверное, будет правильно. Ты ведь не бросишься сообщать об этом товарищам по партии? Дашь мне день-два, чтобы разобраться с моими обязательствами?

– День-два?

«Так мало? – удивилась Натали. – Всего два дня? Но что именно я узнала из разговора с господином жандармом? Да, ничего конкретного! И сообщать не о чем... Да, и некому, похоже...»

– Три дня... – сказала она, чтобы не молчать. – Хватит?

– С головой!

– А этот профессор... Я не поняла, он кто? – Вопрос не праздный. Возможно, ключевой во всей этой истории.

– Давай, пока не будем о нем, хорошо?

– Значит, на встречу с ним я не иду, – не вопрос, констатация очевидного.

– Извини.

– Да, не за что, я думаю. Твое право. Когда освободишься?

– Думаю, часам к семи. Как смотришь на ужин в «Европе», на Крыше?

– Намекаешь, что мне надо одеться соответственно?

– И это тоже, поскольку, как мне кажется, после «Европейской» нас ожидает нескучное продолжение вечера.

– Опять со стрельбой?

– Не думаю, но всегда следует готовиться к худшему. Так что, не забудь про дополнительную обойму.

- Хорошо, как скажешь, – не стала спорить Натали. – Куда мы идем?
- Пока не знаю, но уверен, приглашения не заставят себя ждать.
- Не возражаешь, если я пока встречу с Ольгой? – Пробный шар, но отчего бы не попробовать?
- Да, разумеется, – кивнул он. – И знаешь, спроси ее, если не трудно, как зовут ее мать? Это возможно?
- Ее мать? Тебя беспокоит портрет, о котором упомянула Ольга? – сказано, как бы мимоходом, но Натали эту подробность не забыла. Помнила. – Ты знаешь, что это за портрет?
- Нет, пожалуй... – Смущен, но неизвестно, чем или отчего. – Дело давнее, как я понимаю. Мог и забыть. Но не против – вспомнить, – мягкая улыбка, впрочем, на лице Генриха даже такие улыбки полны опасного подтекста.
- «Ты меня предупреждаешь? А сказать прямо, в чем дело, не хочешь? Надеешься, что пронесет?»
- В семь, – неожиданно закончил он разговор. – В «Европейской». Можешь опоздать, но не более десяти минут. Идет?
- Попробую!
- На этом и расстались.

* * *

На этот раз связным оказался не юноша. В книжном магазине Сытина на Садовой улице к Генриху приблизилась средних лет женщина. Подняла со стола томик поэта Пастернака, перелистнула задумчиво и, коротко, но явно внимательно, оглядев торговый зал из-под полуопущенных ресниц, шепнула, не разжимая губ:

– В пятнадцать ноль-ноль ровно. Набережная реки Мойки сорок восемь, на углу улицы Гороховой. Вход со двора. Второй этаж. Частный поверенный Поливанов.

Шепнула, отошла. Тронула еще одну книгу, другую. Перешла к полкам с журналами, взяла в руки одну из тетрадей «Искр». Генрих проводил ее взглядом, посмотрел по сторонам – несколько мужчин и женщин у полок с книгами, девушка кассир, занятая с покупателем, средних лет приказчик у поискового каталога – и вышел на улицу. Вдоль Садовой холодный ветер нес водяную взвесь, мало чем – по ощущениям – отличающуюся от ледяной пыли.

«А ведь это еще не зима, – подумал Генрих, поднимая воротник пальто и еще ниже надвигая на лоб шляпу. – Впрочем, это Петроград, и этим все сказано».

Он прошел мимо лавки Алферова и конторы завода Новицкого, перешел улицу, переждав, пока не прогремывает мимо оранжево-синий трамвай, и вошел под крышу торговой галереи. Здесь было спокойнее и, как будто, даже теплее: не так задувал ветер, и ледяная морось не летела в лицо.

«Профессор консерватории... Выходит, Иван помнит старые шутки и предполагает, что я их не забыл тоже. Вопрос, что с этим делать?»

Он прошел немного вперед, рассеянно рассматривая торговые витрины, и неожиданно заметил табачную лавку.

«Весьма кстати... – Генрих постоял перед лавкой еще мгновение, переводя заинтересованный взгляд с трубок на сигары и с папирос на зажигалки и винтажные коробки спичек. – Почему бы и нет? – подумал он, поймав короткую, но неслучайную мысль. – Разве это не удачная деталь? Да, – решил Генрих, толкая стеклянную дверь, – в этом определенно есть смысл, да и на вкус... Особенно в нашем климате».

Дверь поддалась, тренькнул колокольчик, и Генрих оказался в мире чудесных запахов. За высоким витринным окном властвовала холодная сырая зима, практически лишенная собственного запаха, в отличие от осени, то благоухающей созревшими плодами, то пахнущей

кострами и опавшей листвой. Запахи же разговаривали с сердцем Генриха напрямую, без переводчиков и посредников, часто определяя его настроение и образ действий. И это оказалось немалой удачей для него, очутиться здесь и сейчас, на Садовой улице в доме 19, в заведении Якуба Дивеева, предлагающего «широкий выбор табачных и сопутствующих изделий». Насколько не нравились Генриху парфюмерные «ароматы», настолько же приятны и понятны были чайные дома, кофейные и табачные лавки, магазины ориентальных товаров. Но табак и чай... За этими словами скрывались великие миры, непознанные, загадочные, сулящие удачу, манящие новизной.

– Доброго дня, сударь! – поздоровался с Генрихом приказчик. – Чем могу быть полезен? Что-то определенное, или желаете рассмотреть варианты?

– И то, и другое, – усмехнулся Генрих. – Папиросы «Триумф», зажигалку... ну, скажем, вот ту, серебряную с чернением, карманную гильотинку – на ваш выбор – и... Что бы вы предложили человеку, желающему снова начать курить сигары?

– Так, так! – покивал приказчик. – Хороший вопрос, но начнем мы с очевидного. «Триумф». Не желаете взять сразу две коробки, вторая – за полцены?

– Да, нет, наверное, – покачал головой Генрих. – Не люблю, знаете ли, когда карманы пальто оттопыриваются.

– Хорошо-с! – не стал спорить приказчик. Это был симпатичный, чтобы не сказать, смешной, практически клишированный представитель своей профессии: низенький, плотный до полноты, сильно лысеющий и толстогубый. – Вот вам ваш «Триумф», – выложил он на прилавок коробку папирос, – а вот и зажигалка. Великий Устюг, ручная гравировка. Отличный выбор! Гильотинку я вам могу предложить из той же коллекции. Вот-с!

– Беру, – согласился Генрих, взглянув на ценник. – Что с сигарами?

– А что вы курили раньше? – последовал быстрый вопрос. – Отчего прекратили? И как долго не курили с тех пор?

– Курил «Ла Глория Кубана» или «Ла Флор де Кано». Бросил под настроение, года три назад, и с тех пор никакого желания вернуть прежние привычки не испытывал. А сейчас вот, посмотрел на вашу витрину и вдруг захотелось. Так что скажете?

– Могу предложить доминиканские «Артуро Фуенте» или кубинские. Ту же «Ла Глория Кубана». Однако если хотите получить нечто оригинальное, но в вашем вкусе, возьмите «Панч». Чуть дороже, но не пожалеете.

– Ручной работы?

– Разумеется! Как можно-с! Я же вижу, с кем имею дело. Самые настоящие “*Totalmente a mano*”...

* * *

«Генрих, Генрих, где ты был? – Натали шла на встречу с Ольгой, но что очевидно, думала не о своей гимназической подруге, не о Годуне, Белуге или Косте, а о таинственном и притягательном, как бездна, полковнике Шершневе. – На Фонтанке водку пил. Выпил рюмку, выпил две... Да, полноте! Кружится ли когда-нибудь у Генриха голова? Болит, это точно. Но кружится?»

Что она знала о Генрихе? Очень много и до жалости мало. Она знала, что полковник Хорн – один из самых известных наемников в мире. Он воевал в Китае – кажется, во всех китайских кампаниях за последние двадцать лет; в Испании и Квебеке, в Африке и в Британской Колумбии, то есть практически везде, где власть или повстанцы, мятежники или регулярные войска нуждались в помощи наемников и могли себе это позволить. И репутация у полковника была неплохая: хороший, а возможно, и отличный военный, жесткий и волевой, блестящий тактик, крепкий профессионал. Как будто не садист и не насильник. Не вешатель. Однако не без его же

ведома – пусть и не по его приказу – творились все те злодеяния, что сопровождают военные действия в густонаселенной местности, тем более, если война – гражданская?

«Несет ответственность? Не без этого...»

Погода снова испортилась. Было пасмурно, сыро, холодно, и поминутно начинался мелкий ледяной дождь. Когда это случалось, Натали открывала зонт на длинной полированного дерева ручке и приступала к неравной борьбе с поднимающимся ветром. Однако вот что странно. Ей не было холодно. Напротив, ее то и дело – стоило только набрести мыслью на какой-нибудь случайный отблеск прошедшей ночи – бросало в жар. И жар этот был такого свойства, что Натали не уставала удивляться своей предусмотрительности. Когда покупала очки с темными стеклами, ни о чем подобном не думала, даже не предполагала, но, по-видимому, интуицию не обманешь, и предвкушение соблазна уже тогда было растворено в воздухе, которым она дышала, бродило в ее крови.

«И кто же я тогда после этого? – спросила она себя, переходя Невский проспект по сигналу регулировщика. – Подстилка офицерская или сознательная революционерка?»

Впрочем, вопрос глупый. Революционеры, а Натали по жизни знала их немало, с кем только не спали. И революционерки тоже. О некоторых случаях в приличном обществе и не намекаешь, не то, что обсуждать. А полковник Шершнева ее не обманом в постель увлек и не силой взял, хотя и пустил – не без этого – силу в ход. Не без ее, однако, на то согласия, пусть это согласие и выражалось всего лишь в нечленораздельных воплях.

«Н-да, орала я, полагаю, знатно... Впрочем, кто мне судья?»

Натали вошла в кондитерскую «Вольфа и Беранже» и огляделась в поисках Ольги. Та сидела в глубине зала и, заметив Натали, сразу же замахала рукой. Легкая, белокурая, светлая... Не женщина, а нимфа, лесная фея или еще кто.

«Типичный оперативник контрразведки!» – усмехнулась Натали, сунув зонт в корзину и передавая гардеробщику влажное пальто.

– Здравствуй, Ляша! – поздоровалась Натали, припомнив гимназическое прозвище подружки. – Надеюсь, ты вчера не пострадала?

– Здравствуй, Тата! – Ольга тоже помнила, «кто есть кто в гимназии Вагнера». – Честно говоря, я чуть не описалась, но, слава богу, пронесло!

– Да, удачный выдался вечерок! – усмехнулась Натали и повернулась к официанту. – Ромовую бабу и жасминовый чай.

– А ты всегда носишь с собой револьвер? – спросила Ольга, делая свои знаменитые «круглые» глаза, едва официант отошел от их столика.

– Это не револьвер, а пистолет, но, по сути, неважно. Да, ношу.

– А где ты так научилась стрелять? Ты же лучница, а не эта, как их? Ну, эти, которые из винтовок...

– Да, само как-то вышло, – пожала плечами Натали. – Научилась.

– Здорово! А кто это был? Ну, те, которые на твоего приятеля?..

– Не знаю, – снова пожала плечами Натали.

– Как это не знаешь? А он? А полиция что говорит? А он ничего, кстати! Ты с ним спишь или как?

– Я... Что? – опешила от такого напора Натали. – Ах, да! Да, Ляша, сплю и получаю удовольствие! Полиция молчит, тоже, по-видимому, ни хрена не знает. А мой любовник, если и знает, мне не расскажет. Козел!

Теперь настала очередь Ольги. Тирада Натали – не сказать, чтоб спонтанная, то есть выданная не без умысла – произвела на нее весьма сильное впечатление. Особенно некоторые слова. Во всяком случае, упоминание слова «хрен», имея в виду отнюдь не овощ, заставило молодую женщину вздрогнуть и покраснеть.

– Ой! – пискнула она. – Я...

– Ляша! Ну, не будь «блондинкой»! Можно подумать, ты не знаешь, о чем речь, и этих слов никогда не слышала.

– Да, нет, – краснея, пролепетала Ольга. – Мы это как-то по-другому...

– И как, если не секрет?

– Вещь в себе...

– В смысле Ding an sich? – не поверила своим ушам Натали. – Вы чем с Дмитрием в постели занимались? Кантианством?

– Мы не только в постели! – вскинулась Ольга, но смутилась от этого еще больше. – А «вещь в себе» – это когда не во мне... А когда во мне, это уже по-другому назы...

– О, господи! Ляша! Угомонись! Проехали!

– Ваш чай, сударыня!

«Интересно, он слышал? Хотя шел бы он лесом! Мне-то что!»

Она кивнула половому и попробовала чай. Заварен он был на славу и не только пах замечательно – буквально, благоухая жасмином, но и на вкус оказался безупречным.

– А этот твой Генрих, он кто?

– Ляша, – удивилась Натали, совсем уже собравшаяся уколоть вилочкой ромовую бабу, – что за вопросы? Это же ты его с детства знаешь, а не я!

– Я его совсем не знаю! Я его вчера вообще первый раз в жизни видела! – от переполнявших ее чувств Ольга забыла и про свой чай с молоком, и про пирожное безе.

– Но ты же сказала, что у вас дома хранится его портрет!

– Портрет есть, – согласилась Ольга. – У мамы в гардеробной. Так он кто?

– Полковник Шершнев.

– Полковник? Так он с папенькой служит? Или он в отставке?

– Господи, Ляша! Да, он не в нашей армии полковник! Ты что никогда не слышала про полковника Хорна?

– Хорн? – нахмурила лоб Ольга. – Этот тот, с которым папенька воевал в Хэйлунцзяне?

– Бои за Харбин? – попыталась вспомнить Натали. – Порт-артурское сидение? Да, пожалуйста.

– Ничего себе! Откуда же тогда у маменьки его портрет?

– Ну, может быть, он был с твоей маменькой еще до твоего папеньки?

– Тридцать лет назад, что ли?

– Почему же тридцать? Тебе двадцать три. Прибавь еще год...

– Маргарите двадцать семь!

– Точно! – вспомнила Натали. – У тебя же старшая сестра есть!

– Вот именно!

– Подожди, подожди! Портрет маслом писан?

– Да, а что?

– Так он подписан, верно! – предположила Натали. – С обратной стороны!

* * *

Этот топтун надоел Генриху хуже горькой редьки. Унылый, монотонный – невероятно раздражающий своим хамским поведением – хвост.

«Кто-то решил выяснить пределы моего терпения, а зря! – Генрих бросил мимолетный взгляд в зеркальную витрину, поправил шарф и вытер влагу, собравшуюся под носом. – Что за мерзость!»

Он прошел мимо собора, перешел проспект и вошел под застекленные своды Андреевского торгового двора. Народу здесь, учитывая дневное время и плохую погоду, было много, что радовало. Чем плотнее толпа, тем легче в ней раствориться. Особенно, если тебя под-

страховывают. Курт чуть поддал плечом тюк с плетеными ковриками, который перетаскивал куда-то огромных размеров мужик. Лямочника повело, и, воспользовавшись моментом, Генрих скользнул вперед. А там уже Вальтер организовал за его спиной сутолоку, столкнув лоб в лоб двух теток, приценивающихся к валенкам с калошами, и никем не замеченный Генрих шагнул влево между тряпичными рядами, следуя за уходящим «в правильном направлении» Рихардом. Ну, а Людвиг, как и следовало ожидать, объявился только тогда, когда никто их встречи увидеть не мог. Зашли за колонну позади грибных рядов, закурили, посмотрели один другому в глаза.

– Топтуну ломать ноги будем? – спросил Людвиг.

– Обязательно, но прежде выясните, кто, откуда, кем послан.

– Обижаете, командир! – усмехнулся Людвиг. – Так и так допросили бы.

– У меня важная встреча в три часа на набережной реки Мойки, сорок восемь. Нужна машина и прикрыtie.

– Через двадцать минут в Бугском переулке. Серый «Тавриец» с грязными номерами.

Парень за рулем помнит ваши китайские позывные. Он там в роте связи служил. Кличка Пауль.

– Хорошо бы заодно саквояжик мой получить. Это возможно?

– Вы же знаете, командир, для нас нет ничего невозможного! Саквояж в машине Рихарда. Переместим. Еще что-то?

– Да, нет, все, пожалуй, – выдохнул Генрих вместе с табачным дымом. – Рассказывай, не томи!

– Ну, что сказать, командир! Знатную вы себе подружку надыбали. По-хорошему завидую, но, как говорится, все лучшее вышестоящим начальникам.

– Что, так крута?

– Аж завидки берут! Честное фельдфебельское! Человек один из штаба боевой организации эсеров Наталью Викторовну вашу по фотографии опознал. Он ее знает, как Дарью Конецкую и как Татьяну Жлобину, но дело не в этом. Кличка Бес, девять успешных покушений... Ломов, Карпухин, графиня Половцева, Акимов... Семь эксов. Хазарский промышленный, Донской крестьянский, Кредитный, Георгиевский... И это только то, про что этот «товарищ» знает наверняка. Хладнокровна, умна, соображает быстро, действует стремительно, стреляет метко. Ходят слухи, что излишне жестока, но это ничем не подтверждено. Есть мнение, что из образованных и чуть ли не княжна или еще кто. Но и это тоже чек без покрытия. О ней мало кто знает что-нибудь наверняка. Скрытная дамочка и конспирирует так, что мало не покажется. Это все.

– Ведете ее?

– Обязательно, но на длинном поводке. Раз опытная, значит, топтунов мигом срисует.

– Это да, – кивнул Генрих. – Увидимся завтра. Связь по обычной схеме. Бывай!

* * *

– Ну, ты только никому не рассказывай, хорошо?

Но Натали было не до комментариев. С портрета, выдержанного в коричневых тонах, словно бы сквозь тонкую золотистую дымку на нее смотрел Генрих. Его глаза, его улыбка. Высокий лоб, знакомый прищур. Молод, победителен, полон невероятной энергии и харизмы, одет...

«Бриллиантовые запонки стоимостью в целое состояние... И кто бы это мог быть?»

Она перевернула картину. Как и следовало ожидать, подпись оказалась в правом нижнем углу. *З. Серебрякова, седьмое сентября 1938 года*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.